

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 32-63

DOI: 10.13187/rs.2019.1.32
www.ejournal15.com



“Photos are the Greatest Joy...”. Role of Photography in the Correspondence Between the Front and Rear. On the Pages of World War II Correspondence and Diaries. Part 2

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the study of a rarely examined topic: the role of photography in wartime correspondence between the front and rear as a historical source. The state and citizen have different attitudes to the photography. Photographs in wartime could simultaneously act not only as witnesses, but also as prosecutors. Soldiers and commanders and their families gave the photograph an exceptional value. The photograph was more valuable than the letters and must be kept. The photographs were taken on the road even when there was not enough time for the collections, their place was next to documents, money and a modest stock of things and provisions in hand luggage. Soldiers wore photos of relatives and friends in the pocket of their uniform at the heart or in a knapsack behind their backs. The coverage of the circumstances in which the soldiers and the Red Army commanders made and sent photographs to their homes, relatives, friends and neighbors and comrades in arms draw a true picture of a military everyday life, provide the necessary details for understanding the behavior of a person in war, and reveal his inner world. The article is based upon the data from the letters and diaries of the Soviet Jews – soldiers of the Red Army – which were collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University over the last five years (2012–2018) and are herein introduced into academic circulation for the first time.

Keywords: Jews and the Red Army, the Great Patriotic War, World War II, photography, pictures, military field post, military daily life.

Качество фото. Большинство фото в годы войны были сделаны при случайных обстоятельствах и случайными людьми, которые не могли отвечать за их качество. Это понимали, как фронтовики, так и их близкие в советском тылу. Найти аппаратуру, фотобумагу и фотореактивы было трудно, поэтому не стоит удивляться зачастую низкому качеству снимков. Приходилось довольствоваться тем, что было. Тем не менее, потребность в фотографии все годы войны оставалась настолько великой, что люди, порой отправляли снимки, которые этого не заслуживали. Семен Литвин писал своей семье с дороги на фронт в Харьков 17 июля 1941 г.: «Посылаю свою фотографию, правда, очень скверную (здесьняя работа), так что не делайте по ней окончательного суждения о моем состоянии» ([Письмо Семена Литвина, 17.07.1941](#)). Миша Найман писал своей жене 1 февраля 1942 г.: «Снимали на морозе, был сильный ветер, словом, не подумай, что я действительно такой измученный

* Corresponding author

E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

и скучный» (Письмо Миши Наймана, 1.02.1942). Менаше Ваил 7 мая 1942 г.: «В письмо я вкладываю фотокарточку. Она довольно плохо изготовлена из-за отсутствия хорошей фотобумаги, но черты лица можно разобрать. Это я снимался на красноармейскую книжку» (Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942). Наум Бейлин 4 ноября 1942 г. пытался объяснить жене, почему он не может отправить фото: «...если у вас есть фотографии, хотя ты их называешь “сапожниками”, то здесь нет никаких. Есть у меня приятель, любитель этого дела, работу которого я давно отослал тебе, но она видно затерялась в дороге. Это, пожалуй, к лучшему, ибо там трудно отличить человека от печки. Сейчас же и такую нельзя сделать» (Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942).

Очень часто люди ценили даже не само фото, а то внимание, которое оно несло. В письме можно было встретить такую приписку – посылаю не совсем удачное фото, но любите таким, каков я есть. Или – посылаю фото, на котором вышел довольно несуразно, но зато это будет новым напоминанием обо мне. Анатолий Авин 20 марта 1943 г. писал своей подруге, от которой добивался взаимности: «Белла! Спасибо за фото. Относительно оценки качества карточки я до некоторой степени согласен, что снимок не совсем удачен. Но я ценю не снимок, а внимание» (Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943).

Зачастую на плохую работу фотографа авторы писем списывали отсутствие собственного бравого вида, усталость, изможденность, пришедшую в негодность униформу, старые гимнастерки, шинели и сапоги. О профессиональном фото речи не велось. Редкой удачей считалось встретить фотокорреспондента или журналиста с фотоаппаратом – они из дружеского расположения могли изготовить фотографии, которыми можно было остаться довольными. Владимир Зинченко писал своей возлюбленной 24 июня 1943 г.: «Милая Дорусенька! Вчера приезжал армейский фотокорреспондент, если будет бумага, вышлю фото, а нет – вышлю негатив, отпечатаешь?» (Письмо Владимира Зинченко, 24.06.1943).

Недовольство сделанными фотографиями выражали не только военнослужащие, но и их родные в тылу, которые тоже испытывали в этом большие затруднения. В фотоателье часто были заняты работники без необходимых навыков и опыта, в распоряжении которых находилось устаревшее оборудование. Несмотря на это, спрос на эти услуги был так велик, что за качеством не успевали уследить. Неумелых фотографов часто называли «сапожниками», «портачами», «фотографщиками», что не меняло сути дела. Качество большинства фото не отвечало ожиданиям, и люди уходили разочарованными. Полина Лукашевская писала Александру Черному 15 декабря 1943 г.: «Я сфотографировалась совсем недавно. Как видишь, очень изменилась, хоть и времени уж не так много прошло, но недаром говорят, что этот год в наше время стоит других нескольких. Да и ничего не поделаешь, лета идут. Стареем. Похвалить фотографа за хорошую работу тоже не стоит» (Письмо Полины Лукашевской, 15.12.1943).

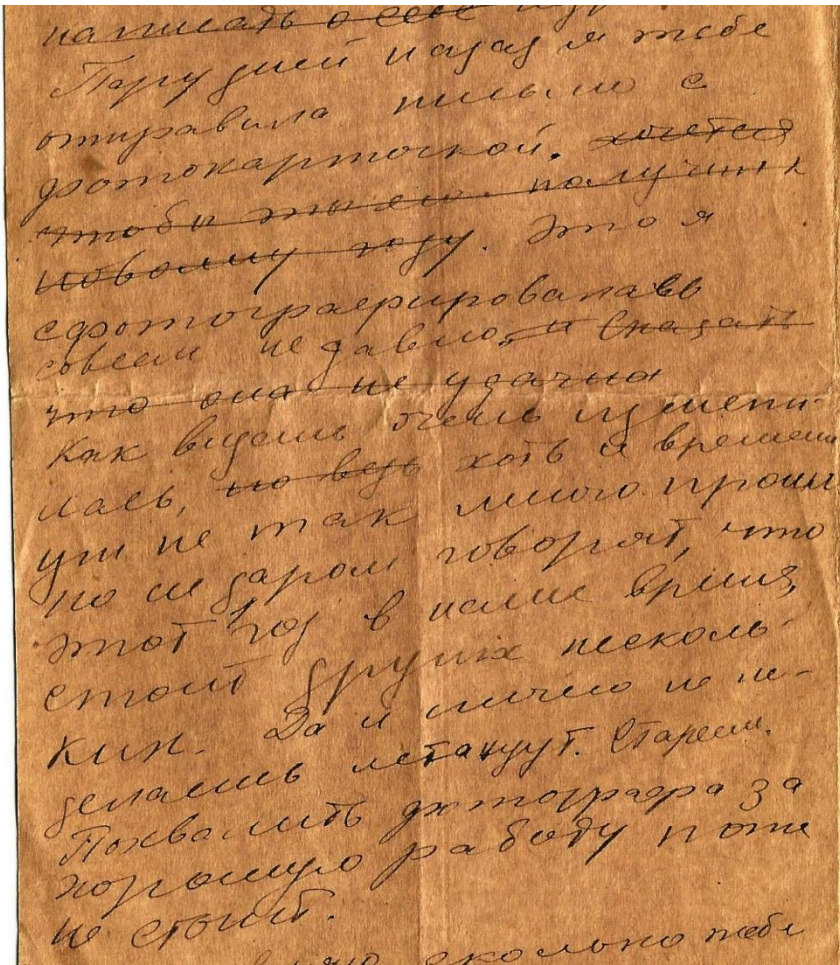


Рис. 1. Письмо Полины Лукашевской Александру Черному, 15 декабря 1943 г. (здесь и далее приводятся письма и фотографии из Архива военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете).

Часто родные бойцов и командиров становились перед дилеммой. С одной стороны, от них требовали фото, а с другой, они располагали далеко не тем, на что рассчитывали их респонденты. Поэтому в некоторых семьях искали предлог, чтобы не фотографироваться вообще – все равно приедешь в отпуск, тогда вместе и снимемся на память. Исаак Каган писал жене Соне 8 июня 1942 г.: «Фотокарточки получились нехорошо, но все-таки я решил послать. Когда вернусь домой, то сфотографируемся все вместе и у хорошего мастера, пока надо довольствоваться тем, что есть» ([Письмо Исаака Кагана, 8.06.1942](#)). Любовь Зантович 11 октября 1942 г. в письме Алесю (Айзику) Кучару продолжала: «Насчет фотографий, снимают здесь отвратительно, очереди огромные. Может, не надо, тем более что если приедешь? А то фото, да еще плохое не обрадует» ([Письмо Любви Зантович, 11.11.1942](#)).

В поисках выхода некоторые люди, как в армии, так и в советском тылу, пытались сами изготовить фотографии. Хорошо, если отправляясь в эвакуацию, время позволяло, пакуя багаж, не забыть про фотоаппарат и принадлежности для печати. Матвей Айзенштат¹ писал 8 марта 1942 г.: «Из вещей в Харькове остались: вся мебель, часть пластинок, которая была на Сумской, большая часть книг, ФЭДовский фотоувеличитель, почти все фотопринадлежности, но я сумел забрать с собой только оба фотоаппарата, всю фотобумагу и часть фотопленок проявленных, которые оказались дома» ([Письмо Матвея Айзенштата, 8.03.1942](#)). Однако подобное случалось редко. Гораздо чаще военнослужащие просили

¹ Автор письма перед войной работал на Харьковском электромеханическом заводе (ХЭМЗ) и был эвакуирован в Уфу. Вместе с Матвеем в эвакуацию уехали его родители и сестра Маня. Братья Матвея – Гриша и Фима – воевали на фронте.

домашних прислать необходимое, чтобы изготовить фото на месте. Абрам Лукашевский в письме родителям 2 июня 1942 г. сообщал: «На комсомольском собрании я познакомился с одним любителем и договорился сфотографироваться, но для этого нужен материал. Пачка пластинок стоит рубль восемьдесят, и это очень трудно достать. У вас есть пленка 6 x 9 и пачка бумаги, которую пришлите заказным письмом ценным, а то подумают, что махорка, и вскрыют» ([Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942](#)).

К началу 1945 г. ситуация коренным образом изменилась, в распоряжении у солдат и командиров Красной армии появились собственные трофейные фотоаппараты, которыми они не преминули воспользоваться. Михаил Гинзбург писал из Германии своим родителям в Баку 1 мая 1945 г.: «Посылаю мою первую фотокарточку, завтра вышлю в другом виде. У меня теперь есть хороший фотоаппарат, и я могу сниматься. С Берлином скоро покончим, недалеко и полная победа». 22 мая 1945 г. он продолжал: «Имею два фотоаппарата. Часто фотографируюсь. В этом письме я посылаю вам свою фотокарточку. Вашу фотокарточку я у себя храню» ([Письма Михаила Гинзбурга, 1.05.1945 и 22.05.1945](#)).

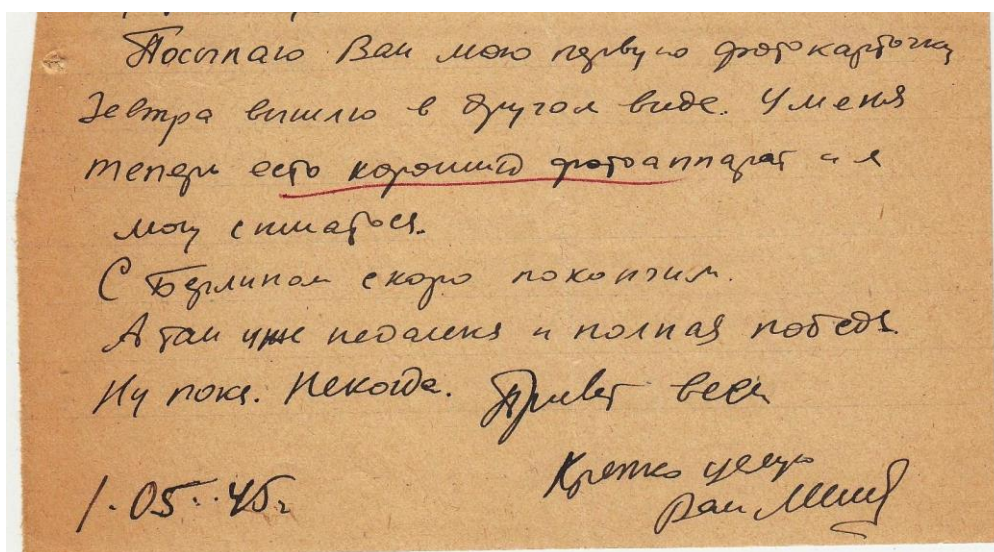


Рис. 2. Письмо Михаила Борисовича Гинзбурга из Германии, 1 мая 1945 г.

Расходы на фото. Отправка фото была сопряжена с материальными затратами. Деньги на фотографию были далеко не лишними, как в солдатском, так и семейном бюджете, и траты эти необходимо было спланировать заранее. Для фронтовика, который находился на полном государственном обеспечении и дополнительно имел денежное довольствие, сделать это было проще. Однако если солдата переводили в запасной полк, на переформирование, в учебную роту или военное училище, то расходы его были урезаны до минимума. В таком случае денежное довольствие задерживалось, выплачивалось частично, или было минимальным, и тогда солдат сам просил домашних послать ему деньги на фото. Александр Зингерман, обучавшийся в школе младших командиров в городе Горьком (в настоящее время – Нижний Новгород), пытался оправдаться перед сестрой 2 февраля 1944 г.: «Ты просишь фотографию. К сожалению, у меня нет гроша за душой. Если продам дневную пайку хлеба, тогда смогу сфотографироваться» ([Письмо Александра Зингермана, 2.02.1944](#)). Элишева Канцедикас в письме к мужу 18 июня 1944 г. сообщала: «Когда будут деньги, обещаю, сфотографируюсь. Не сердись, что все время не могла себе этого разрешить» ([Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944](#)). Тем не менее, солдаты просили родных пойти на эти издержки, ужаться в расходах и изыскать средства, отказывая себе в необходимом. Подобное означало отказать семье в тылу в самом необходимом – питании, одежде, оплате жилья, топливе, учебниках для детей, гигиенических принадлежностях и пр. Все это было хорошо известно, поэтому часто просьба выслать фото высказывалась настойчиво, но деликатно. Яков Скульский писал жене 1 сентября 1941 г.: «Почему ты не фотографируешься? Если денег нет, то я из моих оставшихся рублей 180 пошлю тебе

100 рублей, которые не отправил мамочке» ([Письмо Якова Скульского, 1.09.1941](#)). Исаак Каган писал домой 5 июня 1942 г.: «Если недорого будет стоить и не затруднительно, то сфотографируйтесь на одной карточке и пришлите мне. Это мне доставит большое удовольствие – хочется на вас посмотреть» ([Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942](#)). 19 января 1943 г. Менаше Ваил уговаривал свою жену Бэлу: «Если есть возможность, пришли фотографию вас всех. Я понимаю, что это может влететь вам в “копеечку”, и хотя я не хочу вводить в лишние расходы, но для меня это так дорого, что ради этого я даже не хочу жалеть ваших скудных средств. Думаю, что и вы их не пожалеете ради меня» ([Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943](#)).

Фото предпочитали посылкам и денежным переводам. Когда денег не хватало на индивидуальное фото каждого члена семьи, то предлагалось объединиться для совместного фото. Лев Цепенюк писал своим родителям 18 января 1942 г.: «Прошу не делать глупостей и не посылать денег и посылок, ибо я всем обеспечен. Вы уже вместе лучше сфотографируйтесь и пришлите карточку. Это для меня будет самое хорошее, что Вы мне можете сделать» ([Письмо Льва Цепенюка, 18.01.1942](#)). Иногда просьба, поступавшая от «своего» солдата высказывалась категорически – обязательно пошли, сколько бы это ни стоило! Или искали варианты. Афанасий Чернин 9 июля 1943 г. писал: «Мама, вы не беспокойтесь, что на почте не принимают деньги, если нельзя послать, то напишите отцу, пусть он вышлет, а если нет, то как-нибудь перетерплю, уж терпеть осталось недолго. Есть деньги – хорошо, а нет, то и еще лучше. Но жалко одно, что не сфотографируюсь» ([Письмо Афанасия Чернина, 9.07.1943](#)).

Оплата фотографа сильно отличалась. Рыночная стоимость этой услуги намного превосходила государственные расценки. Михаил Гинзбург 5 марта 1944 г. делился со своими родителями: «Сфотографироваться я здесь имею возможность, но на 4 карточки надо 300 руб., а у меня есть только 130 руб.» ([Письмо Михаила Гинзбурга, 5.03.1944](#)). Проще всего было сделать фото раненым в госпитале, если там существовала ставка штатного фотографа. Такие услуги оплачивались чисто номинально, и плата становилась символической. Леонид Мирош в письме к родителям писал 11 февраля 1945 г.: «В госпитале есть... фотограф. Я получил 4 карточки по 2 руб. за штуку. Одну высылаю вам, Насте и Девятуху, и одну оставляю себе» ([Письмо Леонида Мироша, 11.02.1945](#)).

Общим для военного времени было то, что желание иметь личное фото дорогого человека, как на фронте, так и в тылу, чаще всего возобладавало. Деньги находились, услуги оплачивались, и фото, к немалому удовлетворению обеих сторон, отправлялись, что считалось в семейной переписке событием.

Фото и любовь. Фото на войне, полученное от любимого человека, служило еще одним поводом заявить в своих чувствах, рассказать о душевных переживаниях, найти слова, которые еще не были произнесены, или подтвердить признание, уже сделанное однажды. Письма, посланные как с фронта, так и из тыла с комментариями к полученным фото, дарят необыкновенные примеры возвышенных человеческих отношений. Все это представляло разительный контраст на фоне разрушений и смерти, которая оставляла свои бесконечные следы на войне. Николай (Ноах) Тельжинский 14 октября 1941 г. писал своей жене Эмме: «Часто уголком вынимаю твое фото, и... большие глаза смотрят на меня. И ты всегда вместе со мною» ([Письмо Николая Тельжинского, 14.10.1941](#)). Менаше Ваил признавался жене Бэле 23 марта 1942 г.: «На фотокарточке я тебе показался постаревшим. Сам я этого не замечаю, но вполне возможно – так как прошло уже около года, да еще какого года. Но зато моя любовь к тебе ничуть не постарела. Тебя люблю по-прежнему, или вернее – сильнее прежнего» ([Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942](#)). Вениамин в письме к жене Зое 25 мая 1944 г. делился мечтой: «Передо мной горит свеча, и стоят две фотокарточки, твоя и нашей дорогой, неоценимой дочурки. Мои дорогие, я еще буду вместе с вами в комнате, озаренной светом и великолепного уюта¹» ([Письмо Вениамина Финкельштейна, 25.05.1944](#)).

Солдат обращался к фотографии любимого человека неоднократно, как в минуты отдыха, так и тяжелых испытаний. Любимый образ вдохновлял и придавал силы, которые были настолько необходимы вдалеке от дома и семьи. С помощью фотографии делались

¹ Так в документе.

признания в любви мужа к жене, жены к мужу, к возлюбленной, внимания которой добивался солдат. Соломон Канцедикас в письме к жене Элишеве 18 марта 1944 г. сообщал, что нет дня, чтобы он не смотрел на фотографии и не перечитывал ее письма: «Любимая ты моя девочка. Каждый день приближает час нашей встречи, а сердце так истосковалось, все труднее жить в одиночку» (Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944), а 11 августа 1944 г. он продолжал: «Шевинка! Вот твоя новая фотография. Как ты хороша! Прижаться бы к этим губам. Ты пишешь: обидно за молодость. Я знаю это чувство. Верю: твоя молодость еще будет счастливой, мы будем вместе, я вернусь к тебе насовсем» (Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944). Элишева отвечала своему мужу: «В письме я нашла фотокарточку, где ты был в полном военном снаряжении. Это фото пахнет войной. Но когда я смотрела на тебя, дорогой, мне так ужасно хотелось, чтобы ты встал возле меня, строгий, прямо с войны, чтобы я сняла каску, сняла шинель и крепко-крепко прижала к себе» (Письмо Элишевы Канцедикас, 20.11.1944). 19 марта 1945 г. Элишева добавляла в письме к Соломону: «Рахкович пошутил, что у тебя там есть одна женщина, но потом добавил, что она немая, и лежит в кармане, на карточке» (Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945).

Фото давали повод еще раз повторить, что принято решение соединить две судьбы в одну, стоило только дождаться конца войны. Зяма Савиковский писал своей невесте Риве Сосланд 21 апреля 1945 г.: «Получил твое заказное письмо с фотокарточкой и теперь хожу под этим впечатлением. Я живу надеждой, что в недалеком будущем мы встретимся и навсегда станем самыми близкими людьми. Ты увидишь, что я твой единственный и настоящий друг» (Письмо Зиновия Савиковского, 21.04.1945).

Счастлив был солдат, имевший карточку от ожидавшей его любимой, которой можно было посвятить свои надежды, связать свою судьбу после победы. Фото напоминали солдату, что любовь и жизнь как понятие были неразделимы. Ефим Чечик делился со своей знакомой Леной Глозман 9 февраля 1945 г.: «Пишу эти строки, и в глазах встаешь ты – молодая, жизнерадостная и веселая, и становится очень жаль (а об этом я часто вспоминаю), что не захватил из дому, когда уходил, твое фото, а ведь оно у меня было, правда, потайное от тебя, но все же ценное. Поэтому сейчас, заканчивая письмо, не теряю надежды на то, что в следующем письме вместе с твоим знакомым почерком, напоминающим много о чем, найду и твое фото... Если это будет только так, то я буду очень рад, а пока до свидания. С нетерпением жду ответа» (Письмо Ефима Чечика, 9.02.1945).

В целом, частное фото в годы войны давало представление о человеческих отношениях и идеале, который стремились сохранить, как гимн жизни. Это давало надежду, что после войны все устроится для тех, кто останется жить.

Фото под огнем. В случае необходимости фото могли делать даже в боевой обстановке, на передовой, под обстрелом противника. Это говорило о том, что люди привыкли к опасности, научились воевать, готовы к любым неожиданностям, которыми была чревата реальность, в которой они должны были выжить. Для необстрелянного гражданского человека это казалось невообразимым. В то же время это не было свидетельством напрасного риска, как казалось на первый взгляд. Лев Нехамкин отвечал своей жене Мэре 5 января 1942 г.: «Я тебе тоже написал несколько писем и даже послал фотографию с фронта. Настоящую фронтовую, сделанную на передовой линии... Дорогая моя, тревогу обо мне я чувствую в любой открытке, даже когда ты не пишешь об этом прямо» (Письмо Льва Нехамкина, 5.01.1942).

Соломон Канцедикас признавался своей жене Элишеве 16 октября 1944 г.: «Даже сейчас, под непрерывным огнем, часто смотрю на фото, вспоминаю тебя, родную, любимую, и становится так радостно оттого, что есть такой друг, но как тяжело, что нет тебя рядом, что давно уже не видел и неизвестно, увижу ли скоро? И все же в любых условиях не теряю веры, что обязательно буду с тобой» (Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944). Менаше Ваил рассказывал своей жене и детям 15 августа 1944 г.: «Два дня тому назад меня вызвали на командный пункт, чтоб участвовать в заседании партийного бюро части. К этому же времени на КП¹ полка прибыл из штаба дивизии фотограф запечатлеть лучших людей для истории нашей части. Начался бой, снаряды стали рваться вблизи, и вся земля содрогалась. Несмотря на это, съемка ни на минуту не приостановилось, пока всех, кого было нужно,

¹ КП – контрольный пункт.

не сфотографировали. В том числе, под звуки этой музыки снялся и я» ([Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944](#)).

Подобные эпизоды, повествовавшие о том, как фото делались под огнем врага, не только вносили разнообразие в переписку фронта и тыла, подчеркивали значимость фото, присланного в конверте. Это подтверждало, что человек, будничным тоном и без показной героики рассказывавший о том, где и когда его фотографировали, знает себе цену. Он прекрасно ориентировался в прежде совершенно незнакомой для него обстановке войны. Порой, рассказывая об обстоятельствах съемки, фронтовики приводили эпизоды, напоминавшие о смертельной опасности. Наум Кунин писал своей невесте в 1944 г.: «Во время обстрела в трех метрах взорвался снаряд, и меня привалило сильным слоем земли. Спасло то, что заметили бойцы, которые быстро откопали. Еще немножко – и пропал бы, но спасли. Я всего несколько дней болел, а потом снова таким же стал, как прежде. Так вот такое лицо, как на фото, у меня было после этой аварии. В настоящее время я поправился» ([Письмо Наума Кунина, 1944](#)). Можно представить себе впечатление от подобного рассказа у людей, находившихся в тылу, где не слышали свиста пуль и разрывов снарядов, воя мин и бомб. Люди понимали, что у них в руках снимок человека, который не просто любит и скучает, но защищает, рискуя при этом жизнью ради них самих. Фото с войны были маленькой материальной частичкой мира, в котором жил близкий человек за сотни и тысячи километров и поэтому ими так дорожили. Все это усиливало силу чувства, необходимость ожидания, жажду встречи, рождало терпение, делало людей ближе, дороже, преданнее друг другу.

Фото детей. Можно без преувеличения сказать, что детские фотографии стали украшением переписки военных лет. Для этого в тылу приходилось проявить известную предприимчивость. Предстояло добраться до места фотоателье или найти человека, который бы этим занимался, заплатить деньги, которые лишними не были. После съемки ожидать неделю или две, и снова приехать забирать заказ. Часто от места проживания эвакуированных до города было несколько десятков километров. Если учесть неразвитую сеть сообщения в советском тылу, сезонную распутицу, зной летом и снег зимой, нехватку транспорта, ненормированный рабочий день при отсутствии отпусков, праздничных и выходных дней в годы войны¹, загруженность на работе и дома, то найти время для фото было нелегко. Качество не было гарантировано, в зависимости от фотореактивов и бумаги снимки могли быть черно-белыми или ржаво-коричневого цвета.

Фотографий было мало, и посылали их редко. Однако когда отцы их получали на фронте, это искупало все, эмоций не скрывали. Моисей Флинк в письме домой 10 октября 1941 г. делился своими чувствами: «Я был безгранично рад, когда получил долгожданное письмо, за фотографию Луизы. Когда я увидел фотографию моей дорогой племянницы, то у меня на глазах показались слезы» ([Письмо Моисея Флинка, 10.10.1942](#)). Менаше Ваил в письме к жене 13 июня 1942 г. тоже не скрывал своих чувств: «Разве существует большее удовольствие, чем смотреть на глазки-вишенки, на круглый маленький ротик, на пухлые ручки и ножки своей маленькой дочурки? Во сне я слышу ее детский лепет Олюсенки², я вижу ее курчавую головку и чувствую теплоту ее маленького, нежного тела. Иногда приходит черная мысль о том, что своего отца она будет знать только по рассказам, и тогда становится больно и за нее, и за себя» ([Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942](#)). Соломон Канцедикас выражал радость от получения фото сына по-своему: «Как я благодарен за фотографию Алика. Какой красивый, веселый мальчик, и здоровяк. Я, безусловно, исполню его просьбу и буду истреблять фашистов, чтобы он мог вырасти счастливым человеком [родительское преувеличение, сыну исполнился на момент написания письма один год – Л.С.]. Я уже успел многим товарищам показать его фотографию, и всем он очень нравится. Расти его, милая, хорошим, веселым, мальчиком. Поцелуй его крепко-крепко и скажи, что от папки» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942](#)). Не скрывал своих эмоций Юлий

¹ 26 июня 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР своим Указом «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» постановил отменить во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях очередные и дополнительные отпуска, заменив их денежной компенсацией. Прежний порядок был восстановлен только 1 июля 1945 г.

² Ольга Мордвинова (Ваил), 1940 г.р. – младшая дочь Менаше Ваила.

Аронсон, который писал к жене Эдле 5 мая 1943 г.: «Сегодня у меня большой день. Я получил Павлушин снимок. Вышел он точно такой, какой есть. Немножко только свет неудачно падает. Но он тут, как живой – мой сынок, такой, каким я его помню. Представьте, при том всем – не радость мне доставила эта карточка, а печаль. Еще больше захотелось к вам, увидеть сыночка не на снимке, а живого, схватить его, помять, как следует, посадить на плечи» (Письмо Юлия Аронсона, 5.05.1943). Вениамин Финкельштейн 23 февраля 1944 г. отмечал: «Светочкину [1941 г.р. – Л.С.] фотокарточку я получил, которая шла 3 месяца и 10 дней, и вот сейчас она стоит передо мной, и я люблю ее красотой, по-моему, что на свете не может быть лучше, приятней и красивее, чем наша дорогая доченька» (Письмо Вениамина Финкельштейна, 23.02.1944). Давид Пинхасик 21 мая 1944 г. указывал: «Я получил письмо, в котором клад. Всю ночь напролет рассматривал фотокарточки нашего Сережи. Сказать что я восхищен? Восхищен безумно!» (Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944) Шевах Лapidус сообщал 26 октября 1944 г.: «Несказанно благодарен, что выслала мне твою фотокарточку, заснятую с Марином [1940 г.р. – Л.С.]. Как я счастлив, что я уже дожид, когда сын мой уже большой. Поверь мне, если бы я нашел где-нибудь карточку одного Марика (без тебя), я бы не мог сказать, что это мой ребенок, которого я оставил в Намангане» (Письмо Шевах Лapidуса, 26.10.1944). Наум Бейлин в письме к жене Гите 30 сентября 1944 г. писал: «Любимая, несколько дней тому я получил высланные тобой фотографии, радости нет меры. В день тысячу раз поглядываю на Бориса» (Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944).

Фотографии детей служили темой для разговора, размышлений и воспоминаний. Некоторые отцы-солдаты в письмах старались составить для себя психологический портрет детей, запечатленных на снимке, угадать при каких обстоятельствах шла съемка, оценивали одежду, позу, антураж. Юрий Пинский 7 августа 1942 г. писал своей жене Гисе: «Получил фотокарточки нашей славной девочки – большое тебе спасибо за них. Из карточек выглядит чудная крошка Зиночка [1941 г.р. – Л.С.] с чрезвычайно серьезным личиком, можно подумать, что этот 7-ми месячный человечек сознает всю грозность и серьезность того времени, в котором она появилась на свет..., а “большая” Софочка¹ сидит с крепко озабоченным лицом и грозными мыслями в головке! Пишу эту открытку и продолжаю всматриваться в карточку, в эти сощурившиеся глазенки на милом личике, какие чувства ощущаю в данный момент – трудно передать!» (Письмо Юрия Пинского, 7.08.1942).

На фотографиях писали посвящения, скрупулезно указывали, кто именно на них изображен, место и дата съемки. Поэтому современному исследователю не трудно идентифицировать персонажей фото. Фото детей были наиболее выразительными и «говорящими». И не только потому, что это были детские лица, по которым соскучились фронтовики, не видевшие вокруг себя месяцами ни детей, ни женщин, ни гражданских лиц. Это были родные черты, в которых бойцы и командиры узнавали себя и жен – облик маленького человека, с которым они связывали свое будущее. Менаше Ваил 4 мая 1944 г. делился своими впечатлениями от фотографий, полученных из дома: «Сегодня у меня исключительно радостный день. Я получил от тебя наилучший подарок – фотографию детей. На меня глядят серьезные, немного задумчивые, умные глаза Мишуня, который стремится сойти с фотокарточки и поделиться всем, что накопилось. Рядом курчавая, непередаваемо милая головка Олюси с чуть-чуть заметно косящим глазом, удивленно смотрящим в объектив фотоаппарата. Так и хочется снять ее с этой карточки, взять на руки и, прижимая головку к груди, гладить курчавый волос и целовать чуть косящие милые глазки. Обнимая Олюську одной рукой, с чуть прищуренными глазами пристально смотрит на меня моя “самая старшая дочка” Циля². Ее лицо заметно возмужало и похорошело. Широкий открытый лоб говорит о том, что в голове теснятся всякие мысли, которые перерабатываются и по-своему воспринимаются. Отличные отметки – не случайное явление. Видны черты упрямства на лице, следствием чего являются “конфликты”, которые возникают у тебя с ней. Чувствуется, что и ей уже хочется скорей увидеться со мной и рассказать многое-многое из того, что узнала и увидела за прошедший год. А у меня еще сильнее желание всех их увидеть, увидеть тебя, Басю, всех родных и друзей, вдали от

¹ Софья Ароновна (Головчинер) Факторович, 1939 г.р., троюродная сестра Зины Пинской.

² Циля Михайловна Грузенская (Ваил), 1932 г.р. – старшая дочь Менаше Ваила.

грохочущей смерти, следующей по пятам день в день в течение трех долгих лет. Исполнится ли мое желание???» (Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944).

Юрий Пинский в письме к жене Гисе 16 января 1945 г. сообщал: «Сегодня мне вручили заказное письмо с фотокарточками. Целый час я вглядывался в милые лица, и что перечувствовал при этом – трудно передать. Какая очаровательная наша крошка с широко раскрытыми глазками. Я искал и, кажется, не нашел никакого сходства ни на тебя, ни на меня. Если только карточка отражает оригинал, то ты мало изменилась, чуть-чуть похудела. Наша Зиночка мне напомнила старую карточку, где ты, Гиська, маленькая с мячом. Долго я всматривался в карточки и мысленно уносился к вам, в далекий Копейск, и чувства острые овладевали мною до боли в душе! Сколько я отдал бы за то, чтобы побывать сейчас с вами хоть денек, хоть один час, настанет ли это время для меня и когда?» (Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945).

Иногда матери проявляли смекалку и преподносили отцам на фронте настоящий сюрприз с помощью фото. Рива Ройтенберг прикрепила миниатюрный снимок их двухгодовалого ребенка к почтовой карточке и написала текст от имени малютки. В письме искрилась любовь молодой женщины к своему мужу Маркусу Шмульскому, выражалась вера в победу над врагом и надежда на скорую встречу. Портрет рядом с написанным текстом создавал впечатление, что ребенок «говорил» с отцом. На почтовой карточке стоит обязательный штамп «Просмотрено. Военная цензура» – открытка попала по назначению. Можно представить себе эффект при получении такого «детского» письма. Приведем его текст полностью:

«30 ноября 1942 г., Уфа

Дорогой мой папенька, мой самый любимый!

Скоро год как мы не виделись. Соскучился я очень. Я все твержу: папа, дорогой, я скучаю, приезжай скорей домой, а ты не приезжаешь. Мне недавно два годика, познакомься со мной вновь, я очень изменился, даже больше, нежели ты, дорогой папенька, в твоём лице поздравляю всю нашу Красную Армию с нашими победами!

Маменька и я глубоко верим, что очень скоро и на нашей улице будет праздник. Мой тебе подарок – моя плутоватая рожица и заверение, что в жизни плутом не буду. Крепко тебя целую. Я все, все сам свободно излагаю своими словами.

От маменьки привет и поцелуй горячий. Леня Шмульский» (Письмо Ривы Ройтенберг, 30.11.1942).

Фото на документы. Фотографии на документы с точки зрения военного командования нужны были для «дела», а не для «развлечения». 7 октября 1941 г. был издан приказ о введении красноармейской книжки в войсковых частях и учреждениях в тылу и на фронте с фотографической карточкой владельца (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 274–277). При этом на руках всегда оставалось несколько копий, от 4 до 6 штук, тоже для «дела». Солдаты же, как правило, посылали их родным и друзьям в силу того, что других не было. Они торопились это сделать, поскольку не было уверенности, что завтра человек останется жив, и важно было оставить о себе память. Никто не собирался умирать, но то, что происходило с товарищами-однополчанами, говорило фронтовику о том, что ниточка жизни человека на войне тонкая и не прочная, способная оборваться в любой момент. Лев Цепенюк сообщал своим родителям 5 августа 1943 г.: «У меня сейчас есть фото, хотя и бракованное (это когда я фотографировался на кандидатскую карточку¹), но все же, решил послать. Увидите хоть, какой я есть. Правда, довольно неудачно вышел. Очень уж усталый» (Письмо Льва Цепенюка, 5.08.1943).

Для отправки домой фотографии снимали со старых документов, членских билетов, пропусков и удостоверений, которые в силу военного времени становились ненужными, такие например, как профсоюзный билет. 25 сентября 1941 г. Николай Лазюк писал домой: «Посылаю фотокарточку – оторвал от профбилета. Военную посылать как будто нельзя. Твоя и Маюшкина карточки у меня есть, я их снял со стены, уходя из Смоленска, и теперь

¹ Кандидатская карточка — документ, выдававшийся кандидатам в члены ВКП(б). По истечении кандидатского срока кандидат мог быть принят в члены партии. Первоначально это был листок бумаги, но в дальнейшем оформлялся в виде небольшой книжки с фотографией кандидата, на документе присутствовал серийный номер.

ношу всегда с собой. Часто смотрю и вспоминаю о вас» ([Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941](#)).

Фото на документы были своего рода компромиссом, отдушиной, имели официальный статус по сравнению с любительскими снимками, которые считались личным делом каждого. Но у них был ряд ограничений, и не только по своему размеру 3 x 4 см. Сидя перед фотографом, нельзя было улыбаться. Нужно было делать серьезное лицо, не разрешалось менять ракурс, снимали всегда анфас, но не в профиль, все были одинаково одеты и причесаны, или стрижены наголо. Но лучше было иметь такое формальное фото, чем ничего, и потом бесплатно, что для скудного бюджета молодого солдата было существенным. Шевах Лапидус в письме к жене 30 ноября 1943 г. сообщал: «Раечка! Посылаю тебе мою фотокарточку. Снимался я прямо сходу для партбилета¹. Сейчас я выгляжу не хуже. Храни на память. Пусть Марик хотя бы знает своего отца пока по фотокарточке» ([Письмо Шеваха Лапидуса, 30.11.1943](#)). Инна Фруг сообщала своей матери 11 февраля 1944 г.: «Дорогая мамочка! Наконец, шлю тебе фотокарточку. Это я снималась на партдокументы. Мамуся! Такой я редко бываю. Обычно рожа веселая. И гимнастерка не своя. Вообще мало похожа. На днях вступаю. Уже все готово» ([Письмо Инны Фруг, 11.02.1944](#)).

Наум Кунин писал своей возлюбленной 8 августа 1944 г.: «Генечка, завтра я тебе вышлю свое фото. Меня месяца четыре тому назад фотографировали на удостоверение, готовые фотокарточки тогда вручил товарищ по работе. Сегодня мне пришлось с ним встретиться. В разговоре о себе я рассказал, что установил связь с любимой подругой, и фотокарточки даже у меня нет. Он тогда признался, что припрятал одно фото. Так вот завтра он принесет, и я тебе сразу вышлю» ([Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#)).

Сами солдаты, понимая материальные трудности родных в эвакуации, просили порой членов семьи прислать фото-пятиминутки, как самый дешевый и доступный, быстрый в изготовлении вид фотографий. Кроме того, некоторые люди предпочитали фото, которые готовили на документы, из-за их размера. Они не занимали места, и можно было легко хранить на себе, имея всегда под рукой. Сергей Дрейзин писал своей семье из военного училища в Москву 14 января 1942 г.: «Ах, родные мои. Я так люблю вас и так надеюсь, что все тяготы и трудности вы стойко перенесете, и мы снова все будем вместе спать на террасе нашей голубятни и глядеть, разговаривать, касаться друг друга. Родные, пришлите мне еще какие-нибудь ваши фото – для удостоверения (пятиминутки)» ([Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942](#)). Дрейзин продолжал эту тему 15 мая 1942 г.: «Наконец, я могу послать вам свою фотографию. Снимались мы коллективно всей ротой, фотографии нужны, очевидно, для документов. Вышел я, кажется, хорошо, хотя насколько похож, не знаю. Надо предполагать, что похож, т.к. фотография была хорошая и мастер пожилой уже. Как видите, выгляжу я замечательно. Так хочется увидеть ваши фотографии, но боюсь просить, т.к. они могут пропасть, не найдя меня. Так чаю, пожалуйста, не высылайте. Верочка, напиши, снимался ли папочка после моего отъезда? Целую тысячу раз» ([Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942](#)).

Фото, предназначенные для документов, выслали, как «компромиссные», когда исполнение заказа в фотоателье задерживалось, а послать требовалось срочно, солдат менял место службы или отправлялся на фронт, откладывать было нельзя. Давид Пинхасик писал своей жене Марии Вагановой 22 апреля 1942 г.: «Хотел и фотокарточку свою послать, но она еще не готова. Придется теперь маленькую, что для документов делал, в конверт бросить. Личность, правда, невыносимо мутная, не весенняя, и может повлиять на настроение, но все равно пошлю. Пиши, дорогая чаще, чтобы я не грустил, а то даже фотографу по стандарту улыбнуться не сумел, несмотря на его категорические требования» ([Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942](#)).

В целом, в годы войны фото на документы, как и фото-пятиминутки, оказались своего рода выходом из положения. Они широко использовались фронтовиками и членами их семей в тылу, как дешевое, быстрое и оперативное решение «вопроса». Это снимало напряжение в переписке, позволяло дожидаться «нормального» фото из гражданского

¹ Партийный билет — документ, удостоверяющий партийную принадлежность его владельца, в СССР являлся одним из главных документов наряду с паспортом.

фотоателе, сделанного умелым мастером на хорошей бумаге, за что, правда, приходилось уплатить назначенную цену.

Рисунок-портрет. Когда нельзя было отправить фото, посылали рисунок, выполненный простым и, намного реже, цветными карандашами, краски было взять негде. При этом сходство с оригиналом достигалось не обязательно, в лучшем случае можно было признать общее сходство. В то же время это было не баловство, а необходимость после того, как месяцами не удавалось сделать фотографии. В полевых условиях бумага и карандаш служил единственным средством, которое могло послужить этой цели.

Были случаи, когда военный человек рисовал портрет любимой, находившейся от него за тысячи километров, по фотографии или по памяти, чтобы скрасить однообразие и скуку военных будней, успокоить себя, обрести равновесие или наоборот, дать выход тревоге и волнению. Примером может служить письмо Наума Бейлина, отправленное на Украину из пустыни Гоби в Монголии. Здесь старший лейтенант Н. Бейлин, проходивший кадровую службу с 1939 г., узнал о начале войны с Германией. 17 июля 1941 г. он писал жене: «Здравствуй, родная! Вчера я нарисовал портрет самого любимого для меня человека — твой. Не стану хвастать, но мне доставляет удовольствие глядеть ежеминутно на нарисованную мной Гиту. То, что я имею возможность заниматься такими вещами, как рисование портретов, говорит, что жизнь моя проходит совсем не беспокояно. С каким колоссальным удовлетворением я сменил бы эту относительно спокойную жизнь на боевую там, на западе, в борьбе с теми, кто бомбит мой город Киев» ([Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941](#)). Наум Бейлин добился перевода в действующую армию и провоевал до конца войны, участвовал в освобождении стран Южной и Центральной Европы, дожил до победы ([Берлин, 2011](#)).

Рисунок-портрет мог оказаться своего рода благодарностью или знаком внимания к человеку, который этого заслуживал. Выполнить карандашный портрет предлагали старшему по званию и не исключено, что если эта инициатива исходила от подчиненного, то у последнего был свой интерес, хотя проверить это мы не можем. Николай Лазюк сообщал домой 8 августа 1942 г.: «Посылаю вам свой портрет. Тут у меня есть один художник Цветков из Москвы. Он сделал портрет, который я решил послать вам. Ну, доча, узнаешь ты своего папку? Храни этот портретик и помни своего папку, который воюет и бьет фашистов. Будь хорошей девочкой, слушай мамусю и крепко ее люби. Пиши папке, как ты живешь» ([Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942](#)). Иногда это делали сами авторы писем непосредственно в тесте письма. Инна Фруг писала 28 марта 1943 г.: «Дорогая мамуся. Вот тебе вместо фотокарточки [– карандашный рисунок на письме от руки – Л.С.]. Конечно, точно нельзя. Ты сама разбери, что верно, а что нет. Как-нибудь еще нарисую, когда пилотки получим» ([Письмо Инны Фруг, 28.03.1943](#)).

Конечно, рисунок-портрет воспринимался не как точная копия и, конечно, не шарж, поскольку смеяться на войне не очень хотелось, скорее, как шутливый взгляд на самого себя. Так к этому и просили относиться фронтовики, посылая рисунки-портреты домой. Моисей Гинзбург в письме к родителям 13 апреля 1944 г. рассуждал: «Исполняя просьбу о присылке фотокарточки, решил, ввиду невозможности выполнить ее в точности (из-за финансов и времени), заменить рисунком. По моей просьбе наш художник Иванов вчера начал и сегодня окончил мой «портрет». Конечно, он не блещет особенным художеством из-за скороспелости и отсутствия материалов, по мнению многих товарищей не особенно расходится с оригиналом, поэтому прошу не взыскать» ([Письмо Моисея Гинзбурга, 13.04.1944](#)).

То же самое мы находим в письме Наума Кунина 8 августа 1944 г. своей невесте: «Генечка, я тебе писал о том, что мне обещал товарищ нарисовать меня. Ну, получился я, конечно, плохо, сходство есть, но маленькое, ибо неправильно нарисованы глаза и нос, а это в портрете основное. Потом еще скучный вид, на самом деле я бываю веселым. Когда художник начал меня рисовать, черты лица были с улыбкой, но к концу принял такой вид, что я сам удивляюсь, как я выдержал такое наказание – три часа подряд быть недвижимым. Но ничего, понять можно» ([Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#)).

Одновременно рисунки являлись приятным разнообразием в переписке, когда ничего не было под рукой. Поэтому когда боец или командир вкладывали портрет от местного

умельца, то было известно заранее, что это вызовет интерес домашних или любимой девушки. Мы узнаем это из лаконичных комментариев, прилагавшихся в письме. Вот как это выразил Менаше Ваил 12 января 1945 г.: «Бэлуныка! В отдельном конверте я высылаю тебе свой портрет. Он написан фронтовым художником [Худобой – Л.С.] на бумаге. Если ты получишь его, то храни как память» ([Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945](#)).

В коллекции военных писем 1941–1945 гг. Центра диаспоры при Тель-Авивском университете хранятся несколько десятков карандашных рисунков-портретов. Но далеко не все из них имеют пояснения. Не исключено, что комментарии существовали, но не сохранились, тогда как рисунки дошли и находятся в нашем распоряжении.

В редких случаях портреты рисовали профессиональные художники или студенты художественных вузов, которые отправились в Красную армию добровольно, но служба этих людей никак не была связана с искусством. Для них это было воспоминанием о довоенном прошлом, мирном времени, получении профессии. Они пробовали свои силы и были приятно удивлены, что руки «помнят», глаз «держит». Это была надежда вернуться к любимому делу после победы. Натан Воронов¹ писал своим родителям 12 февраля 1943 г.: «Еще одно знаменательное событие произошло... у дочери одной из хозяек я достал три цвета масляных красок, белила, акварельную кисточку и на полированной [поверхности]... написал первый портрет после букета..., написанного в Могилеве. Я сейчас частенько делаю наброски или же портреты карандашом (но не всегда имею такую возможность). Прихожу к мысли, что месяца два бы интенсивной работы над собой, и, пожалуй, удалось бы восстановить хотя бы прежнюю силенку» ([Письмо Натана Воронова, 12.02.1943](#)). В данном случае речь не идет о профессиональных художниках, которые направлялись Политуправлением РККА на фронт, чтобы с натуры запечатлеть подвиг участников великой битвы с нацизмом. Речь идет о самоучках-любителях, которые с помощью карандаша и бумаги, иногда угля, оставили нам свое представление о товарищах-однопольчанах, воевавших с ними бок о бок. Часто эти пробы пера не отличались художественными достоинствами. Однако в них было много искренности и самобытности.

Карандашные рисунки фиксировали настроение людей, стремление поддержать друзей и себя, сохранить бодрость духа, найти силы для победы над врагом. Их авторы передавали свое восприятие окружающего мира и то, что они видели вокруг себя. Взяться за рисунок толкала практическая необходимость, чтобы заменить фото, которого негде было сделать. Но в ходе этой работы вступали в действие другие силы – желание творчества, стремление себя проявить, необходимость самовыражения. И нужно признать, что в той или иной степени это удавалось. Конечно, для того, чтобы рисовать, нужны были навыки, ведь тем, кто никогда этим не занимался, такое было не под силу. Людей, пробовавших свои художественные возможности в годы войны среди солдат и командиров Красной армии, было мало, еще меньше этих работ сохранилось, поэтому каждый такой пример по-своему уникален. Карандашные рисунки-портреты, конечно, не могли заменить фотографии ни по своему количеству, ни по качеству. Однако они решали ту же задачу – сохранить облик бойца, защитника своей семьи, своего народа, своей страны.

Трудности жизни в тылу. Фотографии, присланные на фронт, свидетельствовали о трудностях и лишениях, которые испытывали семьи военнослужащих в тылу. Они служили дополнительным поводом для откровенного разговора. Рассказы домашних о том, как они пережили дорогу, как были встречены в районах эвакуации, как устраивались на необжитых местах, и что они при этом пережили, не могли оставить равнодушными. Вещи, о которых писалось в письмах, считались общеизвестными, поэтому авторы писем на фронт не могли предположить, что за это могут упрекнуть. Писали о холоде, голоде, неустроенности, плохих жилищных условиях. Все так натерпелись, что казалось, кто за это осудит? Любовь Зантович сообщала своему мужу Алесю (Айзику) Кучару из города Уральска

¹ Натан Моисеевич Воронов (1916–1987) – белорусский советский художник, педагог, заслуженный деятель искусств Беларуси, до войны учился до войны на факультете живописи в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина в Ленинграде, окончил Всероссийскую академию искусств 1948. Работал доцентом Театрально-художественного института в Минске, заместителем председателя Союза художников БССР, специализировался в области исторической картины, лирического и индустриального пейзажа, портрета, натюрморта.

Западно-Казахстанской области в декабре 1941 г.: «Посылаю тебе наше фото. Получились настоящие беженцы. Выглядим мы ужасно. Я долго думала, посылать ли? Мы мало похожи. Не правда ли? Все очень похудели. Особенно Лена К. Ту прямо не узнать. “Элегантная” дама стала. Очень мучается Аня Б. Ее девочка чуть-чуть не умерла. Вот больше месяца как она в больнице. Да, всем приходится переживать» (Письмо Любви Зантович, 16.12.1941). 24 января 1942 г. она продолжала: «Дорогой мой! Еще раз высылаю фото Феликса – старое. Я его фотографировала вторично, он вышел хорошо, но через 8 дней сказали, что надо пересниматься. Ну, морозы сейчас такие, что нечего об этом и думать. Ознобились все. Чуть на улицу, смотришь, и побелеет нос. У нас таких не бывало. Вчера Феликс угорел, чуть отходили» (Письмо Любви Зантович, 24.01.1942).

Меньше писали об отношениях между людьми в эвакуации, антисемитизме, еврейской традиции и праздниках. В этом больше доверяли дневникам, чем почте, хорошо сознавая, что каждое письмо, перед тем как попасть в руки дорогого человека на фронте, будет прочитано цензором. И не было понятно, как это будет оценено, несмотря на то, что все писалось от сердца, искренне. Не обернется ли допущенное откровением обвинением в антисоветской клевете и пораженческих настроениях, не возьмут ли после этого автора на заметку с вытекающими отсюда последствиями? Поэтому в письмах о жизни в эвакуации люди аккуратно подбирали слова и выражения, избегали критики органов власти. Они хотели писать правду, чтобы не грешить против истины, но так, чтобы за нее не пострадать. 12 декабря 1942 г. Любовь Зантович писала мужу, намекая, что смысл нужно искать между строк: «Сегодня, наконец, сфотографировались. Жизнь здесь дорогая, как прожить – не знаю. Уезжать теперь нельзя никуда. Да и так натерпелись. Нигде с нами не считаются» (Письмо Любви Зантович, 12.12.1942).

Сами мужчины-солдаты, отцы семейств, старшие братья, сыновья прекрасно понимали, почему изменилась внешность их близких. Наум Бейлин писал своей жене Гите 5 февраля 1942 г.: «Я окончательно решил забрать тебя, хоть мне очень тяжело сжиться с мыслью, что ты бросишь учебу [в мединституте Перми – Л.С.]. Мое решение еще больше усилилось с получением твоих карточек, я увидел, как много ты пережила, моя дорогая любовь, ведь это первая фотография, где отсутствует твоя улыбка. Да, мы должны быть вместе, помогая друг другу пережить все трудности, все лишения» (Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942). Но что было в силах солдат-мужчин? Они были связаны долгом, воинской присягой и тысячами километров. Поэтому в письмах мы часто читаем сожаление о том, что они пока не в состоянии оказать срочную действенную помощь, что женам, матерям и престарелым родителям придется справляться самостоятельно. Наиболее дальновидные признавали, что их долг защищать страну, воевать, победить, вернуться домой живыми и невредимыми, чтобы скорее подставить свое плечо. Яков Скульский выражал свое беспокойство в письме к жене, находившейся в эвакуации г. Кустанай в Казахстане 31 августа 1944 г.: «Как страшно вы похудели. Эдик – это... не могу и выразиться. Худенький и слабенький. На кого он похож, не могу даже определить. Губки тоненькие, сжаты, как у бабушки¹. Профиль также напоминает Сему². Вот тебя, Геничка, не узнать. Да, что говорить! И меня ты б узнала. Но... три с лишним года!.. Да какие года! Мосеньку я узнал. Однако если бы я встретил на улице такого парнишку, то, кажется, прошел бы мимо него. Это, судя по фото, ведь Мосеньку никогда нельзя было видеть столь суровым. Жизнерадостность, улыбка всегда озаряли его личико. Страшно смотреть. Но ничего. За дальнейшее военное счастье, и уже недалек час, когда я вновь буду с вами» (Письмо Якова Скульского, 31.08.1944).

Самые большие опасения у фронтовиков, «читавших» фото из дома, были связаны со здоровьем детей. Потерять ребенка, который заболел в условиях эвакуации, когда не хватало ни врачей, ни лекарств, ни полноценного питания, было очень просто. Тысячи людей, и в первую очередь детей умерли в годы войны в тылу от недоедания, переохлаждения, инфекционных заболеваний и несчастных случаев. Вот почему письмо Израиля Пинского своей семье, эвакуированной в г. Копейск Челябинской области 28 января 1945 г. было полно такой тревоги: «Получил письмо с фотокарточкой Зиночки, прекрасная карточка.

¹ Яков впервые увидел Эдика на фото 31 августа 1944 г. за месяц и девять дней до гибели, когда ребенку исполнилось два года.

² Сема – старший брат Яши Скульского.

Больно только, что она слабенькая и болеет. Мне, пожалуй, не приходится тебя просить, чтобы ты поддерживала ее всеми возможными средствами. Не жалела ничего, и со временем она выправится. Если мне суждено будет остаться в живых, и я вернусь домой, а этот час скоро наступит, нам тогда легче будет ее воспитать и улучшить ее здоровье» (*Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945*).

В целом фотографии военных лет объективно отражали трудности, переживавшиеся миллионами людей, вынужденных бежать от врага. Но одновременно – это было свидетельство огромных усилий выдержать эти испытания, выжить самим, спасти детей и дать все необходимое фронту. Это был тихий каждодневный подвиг, который воспринимался без патетики, как должное.

Стихи на фото. Значимость фотографий в переписке между фронтом и тылом нашла отражение в стихах. Фотографии и стихи были подчинены общей цели. Они помогали запечатлеть образ человека, подчеркивали его значимость на войне, помогали сохранить веру в дружбу и любовь, дарили надежду и память. В стихах существовала потребность, они пользовались большой популярностью. Фотографии подписывали стихами, как посвящение или пожелание. Стихами можно было выразить общие мысли и настроение, делать это лаконично, образно, убедительно, а иногда и афористично. Они позволяли сказать главное и нужными словами об отношениях между людьми, веру в то, что победа обязательно будет достигнута даже, если не всем придется до нее дожить. Шевах Лapidус в письме к жене 30 ноября 1943 г. сообщал: «Раечка! Посылаю тебе мою фотокарточку. Храни на память. Пусть Марик хотя бы знает своего отца пока по фотокарточке. Заканчиваю стихотворением, напечатанным в нашей фронтовой газете:

Снова осень, снова ветер,
Снова кружатся листья,
И опять при лунном свете
В голове мой сын и ты.

Путь далек и неизвестен
В переходах и боях.
И идет со мною вместе
Фотография твоя.

И обычно после боя
(Знаю, завтра снова в бой),
Я бумажник свой открою,
Посмотрю на облик твой.

Я не скоро к вам приеду,
Но, когда вернусь в семью,
Привезу я вам победу,
Нами взятую в бою (*Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943*).

Большая часть стихов сочинялась любителями, и только немногие принадлежали профессиональным поэтам, командированным на фронт. Яков Эпштейн писал своей дочери Рут 9 марта 1943 г.: «Эх, Ма! Когда мне очень тоскливо, я смотрю на ваши карточки, которые всегда у меня в правом кармане гимнастерки. Знаешь ли ты песенку “Любимая моя” и слова “В маленьком кармане там карточка твоя, и мы всегда вдвоем с тобой, любимая моя”¹. Поешь ли ты? Я вспоминаю, как ты дома, просыпаясь, всегда пела и, ложась спать, тоже пела, а засыпала ты как быстро! А сейчас ты большая, большая. И не узнать будет тебя» (*Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943*).

Стихи писали сами солдаты, и командиры или переписывали в блокнот, печатали в армейских многотиражках. Далеко не все из них имели художественное значение, и чаще напоминали рифмованные слова, но, сколько там было искренности и надежды. Менаше Ваил 1 сентября 1943 г. подписал друзьям фотографию стихами собственного сочинения:

Закончится война, и мы за чашкой чая,

¹ Стихи Евгения Долматовского «Я уходил тогда в поход в суровые края» (1939).

Быть может, встретимся, как старые друзья.
 И сможем мы сказать о днях сих, вспоминая:
 Боролись и трудились мы, как одна семья.
 Но коль в бою погибну (ведь может так случиться),
 И даже не успев на письма дать ответ,
 (Приходится, как всем, с такой судьбой мириться) –
 Пусть памятью о мне вам будет мой портрет ([Письмо Менаше Ваила, 1.09.1943](#)).

Стихи на фото считались хорошим тоном, а если их подписывал автор, то такое фото считалось уникальным. Каждое такое фото становилось дороже, ценнее, подчеркивало значимость человеческой личности, непреходящее значение жизни, в которой должны быть любовь, успех и счастье. Григорий Павловский в апреле 1945 г. посвятил следующие стихи своего сочинения девушке, за которой хотел ухаживать:

Затихло все... Лишь я один не сплю,
 И ветер бродит робкими шагами.
 Я вынимаю фотокарточку твою,
 Касаясь к ней горячими губами.
 Кольшет даль апрельскую траву,
 И душу рвут тревога и волнение,
 И будто ты со мною наяву:
 Я чувствую твое прикосновение.
 О, черноокая! Случайная моя!
 Зачем ты сердце рвешь мое на части!
 Ведь так страдаю, мучаюсь я,
 Что у меня в руках чужое счастье ([Письмо Григория Павловского, 19.04.1945](#)).

Фото в госпитале. Фотографии, присланные из госпиталя, радовали и огорчали одновременно. Радость заключалась в том, что солдат был жив, получил передышку, мог прийти в себя и спокойно общаться с семьей, пусть даже с помощью почты. Огорчение в том, что он ранен, испытал боль и мучение, страдает. После первого известия из госпиталя семью интересовало, насколько серьезным оказалось ранение, возможно ли выздоровление, вернется в строй или останется калекой и будет комиссован. Фронтовики, предвидя эти вопросы, торопились сообщить о характере своего ранения. Хорошо, если были основания успокоить – ранение не серьезное, скоро поправлюсь и вернусь в строй. По статистике солдат-новобранец воевал в среднем около 10–12 дней. Затем он погибал, или получал ранение, был эвакуирован для лечения в тыловой госпиталь и, как правило, возвращался на фронт. В годы Великой Отечественной войны советские медики вернули в строй свыше 70 % раненых и 90 % больных воинов (около 18 млн чел.), что является абсолютным рекордом за всю историю человеческих войн. В вермахте в строй вернулась почти половина раненых, в Красной армии – около трех четвертей ([Гриф секретности снят, 1993: 14](#); [Кропачев, Кринко, 2012: с. 137](#)).

Лейба Смиловицкий вспоминал, что после ранения его повезли в Тимирязевскую академию под Москвой, которую превратили в сортировочный госпиталь¹. Принять, обмыть, сменить повязку, кому нужно, срочно прооперировать и отправить дальше. Если человек мог терпеть, его не трогали: «Побыли мы в том госпитале недолго, но я запомнил его на всю жизнь. Палата, белоснежная постель, чистые простыни, наволочка, одеяла. Койка к койке, человек по 20. Но мы все равно почувствовали себя как в раю. После того, когда спишь в землянке, не раздеваясь, кругом грязь, помыться негде, все чешется, - и такие условия! Можете представить мои ощущения. Мы только лежали и улыбались, конечно, кто был способен на улыбку, у кого не было диких болей» ([Смиловицкий, 1988–2017: 53–55](#)).

Однополчанин Натана Воронова писал домой родным своего друга: «Товарищ Воронов, посылаю фотокарточки Вашего сына. Они остались у меня, а его ранило, но не тяжело, в руку осколком, так что через месяц он выздоровеет. Вы не беспокойтесь за ним, он вам, наверно, писал уже с госпиталя» ([Письмо Верютина, 1943](#)). Зяма Савиковский сообщал

¹ После начала войны в здании Академии и расположенной рядом школы № 213 разместили крупнейший сортировочный эвакогоспиталь № 2386 Западного и 3-го Белорусского фронтов, в котором в 1941–1943 гг. лечились около 12 тыс. бойцов и командиров.

весной 1944 г. в Ташкент своей знакомой Риве Сосланд: «Ранение получилось серьезней, чем можно было себе представить. Мне сделали операцию под общим наркозом: достали много гноя, вытянули ногу в коленном суставе, и случайно достали осколок. После этого все пошло хорошо и через 2,5 месяца я выписался. Теперь я уже давно забыл обо всем этом. Нога не изуродована, а такая же, как и была, только немного согнута в колене. И ничего. Могу ехать на велосипеде, прыгать, бегать, много ходить – в общем, с ногами у меня все в порядке. О наружности можешь судить по тем двум фотокарточкам, которые я тебе выслал заказным. Роста я высокого и вид солидный. Как видишь, я неплохо пишу, и уже даже в нескольких словах могу нарисовать» ([Письмо Зиновия Савиковского, май 1944](#)).

Когда человек приходил в себя, начинал вставать и выходить из палаты, то спешил фотографироваться. Внешний вид солдата в больничном халате, тапочках вместо сапог, без пояса, не был бравым, как в военной форме с оружием в окружении однополчан. Но это было то же родное лицо и, самое главное, с улыбкой, которая присутствовала на большинство фото из госпиталя. Натан Воронов 13 апреля 1945 г. сообщал своей семье: «Дорогие, посылаю вам две фотокарточки. Снимался здесь, в госпитале, как видите, даже в больничном халате. Немного скучновато получился. Очевидно, временами такой и есть. Жду известий с нетерпением. Получаете ли Вы мои письма?» ([Письмо Натана Воронова, 13.04.1945](#)).

Иногда в письмах домой из госпиталя солдат сообщал, что при ранении у него пропали фотографии и просил возместить эту потерю. 9 октября 1943 г. Яков Спивак просил своих родных, эвакуированных в Азербайджан: «Дорогие мои, очень прошу выслать ваши фотокарточки. Знаете, когда я был первый раз ранен, то в санбате у меня все имеющиеся фото кто-то отобрал. Я тогда был в таком состоянии, что даже забыл, что у меня они есть. Таким образом, у меня нет ни одной вашей карточки. Очень жаль, но ничего не поделаешь» ([Письмо Якова Спивака, 9.10.1943](#)).

Сделать фото в госпитале было гораздо проще, чем на передовой, где приходилось почти ежедневно менять позицию, думать не о фото, а как дожить до вечера. Когда дело шло на поправку, выздоравливающий солдат должен был занимать свободное время, общался, читал книги, смотрел кино, играл в шахматы или карты, некоторые начинали вести дневник. Над госпиталями шефствовали школы и учреждения, давали концерты художественной самодеятельности или писали письма под диктовку тех, кто еще самостоятельно не держал ручку и карандаш. Именно в госпитале солдат вспоминал о невыполненной обещании выслать фото и торопился это сделать. Не случайно в семейных альбомах большинства участников Великой Отечественной войны часто можно увидеть фото из госпиталя. Лейба Смиловицкий вспоминал: «Персонал госпиталя внимательно нас опекал. Читали книги вслух, была там самодеятельность, кое-кто выступал, школьники приходили. Там же меня и сфотографировали с товарищами. На фотографии фамилии надписаны, с кем я в палатах находился» ([Смиловицкий, 1988–2017: 56](#)).

Фото из госпиталя свидетельствовали, что война еще не закончилась, и все предстояло повторить сначала, но неизвестно, ожидает ли фронтовика подобная передышка в будущем.

Подписи к фото. Особого внимания заслуживают подписи, которые оставляли участники переписки на личных фотографиях. Их содержание состояло, в основном, из двух частей, посвящений и пожеланий. В нескольких скупых строках необходимо было назвать, кто изображен на фото и кому оно было адресовано. Как правило, снимки дарили родным и близким, с которыми предстояло расставание, сослуживцам и однополчанам, друзьям и тем к кому испытывали симпатию, немало вместе пережили вместе.

Самуил Непомнящий 12 августа 1941 г. подписал фотографию, сделанную в городе Геническе Херсонской области перед отбытием на фронт жене Анелии и дочери Розалии: «На память горячо любимой женушке и другу, дорогой дочурке от мужа, отца и лучшего друга Мили»¹. Григорий Пугач – 15 июня 1942 г.: «На долгую добрую память любимой сестричке от любящего брата. Ривочка! Жди, я вернусь»². Изя Каплан 7 июля 1943 г. –

¹ Капитан Самуил Семенович Непомнящий пропал без вести в 1942 г. ([Письмо Анелии Самуиловны Бельняк 17.05.2012](#)).

² Григорий Исаакович Пугач 15.03.1944 г. погиб в деревне Турск Рогачевского района Гомельской области Белорусской ССР ([БГАМЛИ. Папка «Зайденкоп»](#)).

Абраму Шепельскому: «Вспоминай меня в свободную минуту» (Письмо Иззи Каплана, 7.07.1943). Шимшон Контуашвили (Письмо Шимшон Контуашвили, 24.10.1943) 24 октября 1943 г. написал: «Любимой женушке Басеньке. Пусть эта физия будет символом нашей скорейшей встречи. Жди меня. Я скоро вернусь к тебе. Целую, Шимша»¹. В других случаях подпись под фотографией позволяли судить о настроении человека в момент отправки письма. Давид Пинхасик 23 сентября 1944 г. сообщал своей жене Марии: «Вчера и сегодня получил твои письма. Одно – коротенькое, злое, с фотокарточкой, на обороте которой нервная, холодная надпись. И второе – длинное, теплее, написанное, видимо, в минуты, когда нервы несколько успокоились» (Письмо Давида Пинхасик, 23.09.1944).

Фото часто подписывали несколькими или одновременно всем членам семьи – жене, детям, матери и отцу. Персональное перечисление родных имело большое значение, поскольку личное обращение подчеркивало степень уважения, что никто не был обойден вниманием, что помнят обо всех. Подписи говорили о любви, дружбе, преданности, верности, искренности отношений. При этом часто использовались уменьшительные имена в память о детстве, или кем приходился автор – сыном, братом, дядей, мужем, отцом. В некоторых случаях оставались патриотические надписи, подчеркивалась вера в победу – враг будет разбит. Евсей Пугачев, курсант Киевского артиллерийского училища, подписал 11 сентября 1941 г. Изе С.: «Подруге детства от Семы П. Враг будет разбит!»².

В посвящениях на фотографиях часто использовались слова «копия» и «оригинал», высказывались пожелания о «встрече», хотя никто не мог предположить, когда она произойдет и состоится ли вообще, ведь человек уходил на войну. Все надеялись жить, но вернуться обратно, было суждено далеко не многим. Шмуль-Лейб Хайкин³ 3 апреля 1943 г. написал любимому семейству: «Храните и наслаждайтесь пока копией. Недалек час победы, когда вместо копии появиться и оригинал. Любящий вас папка». На фотографии Шмуль-Лейб стоял у стены деревенского дома с автоматом ППШ⁴ в капитанских погонах и трубкой во рту⁵.

С фотографий 1941 г. глядели молодые люди в военной форме, которые еще не знали, что такое война, но были полны решимости стать грудью на защиту семьи, родного края, малой родины и страны. С фотографий 1942–1943 гг. смотрели лица людей, которые на собственном опыте познали трагедию войны, стали свидетелями ее ужасов, пережили смерть товарищей, утратили иллюзии, но не потеряли веры в победу. На фото 1945 г. подписи разительно отличаются – в них речь идет о скорой победе, неизбежной встрече, о планах на мирную жизнь. Подписи к фото позволяли проследить, какой путь прошел фронтовик. Моисей Флинк 1 сентября 1941 г. подписал: «На долгую память родителям, сестрам и племянницам от их сына, брата и дяди». Второе фото 15 сентября 1945 г. было сделано им на фоне «Катюши»⁶ в погонах старшего лейтенанта⁷.

Часто было принято писать, что фото сделано в годы Отечественной войны или Великой Отечественной войны или особо подчеркивалось – в тяжелые (суровые) годы войны. Это позволяет предположить, что большинство людей ставили подобную запись, отдавая себе отчет, что они были участниками исторического события в жизни страны.

¹ Ш.Ш. Контуашвили прошел всю войну без единого ранения и закончил ее в Магдебурге в 1946 г. комендантом города, был награжден орденами Александра Невского, Боевого Красного Знамени и Отечественной войны 1 степени, медалями, включая «За взятие Кенигсберга».

² Евсей (Сева) Борисович Пугачев (1922 г.р.), сын Боруха Наумовича, воевал на Ленинградском фронте, был ранен, в 1949 г. окончил военный факультет Московского института физкультуры.

³ Шмуль-Лейб Израилевич Хайкин (1902–1962), воевал на Южном и Волховском фронтах, дважды ранен, после 1945 г. работал в системе местной промышленности УССР в Одессе.

⁴ ППШ – советский пистолет-пулемет, разработанный Г.С. Шпагиным под патрон 7,62 × 25 мм ТТ, принятый на вооружение Красной армии 21 декабря 1940 г.

⁵ Жена Хайкина – Ася Наумовна, вместе с детьми Геной (1936 г.р.) и Эрой (1929 г.р.) и двумя бабушками в 1941 г. из города Любеч Черниговской области эвакуировалась в город Черепаново Новосибирской области, дочь Эра умерла от брюшного тифа в 1942 г.

⁶ «Катюша» – неофициальное название бесствольных систем советской полевой реактивной артиллерии.

⁷ Моисей Аронович Флинк (1918 г.р.) – воентехник 2-го ранга, воевал на Сталинградском, 2-м Украинском и других фронтах, после 1945 г. – инженер-металлург.

Ефим Фих 15 мая 1943 г. послал с фронта своей жене Хане фото со словами: «На память верному другу жизни в трудные дни Великой Отечественной войны» ([Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943](#)). Анна Владимировна Зисина, 22 мая 1944 г. снялась вместе с боевыми подругами, а фото подписала так: «Дарю на память маманьке, брату и сестренкам. Посылаю изображение моей рожицы в дни Отечественной войны с фронта, после ранения просто вышла нехорошо. Коль убьют меня, то вспоминай» ([БГАМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 4](#)).

Подписи к фото давали повод к диалогу. Лиля Левина, получив фотографию своего мужа Менделя Мовшевича Левина с фронта, писала 5 июня 1943 г.: «Спешу поделиться с тобой радостью, которую ты доставил мне сейчас. Пришла домой с работы и застала дома письмо-фотокарточку, где ты стоишь со своими бойцами на берегу реки. Трудно описать на этих несколько строчках, что пережито. Твое бледное лицо так пристально смотрит на меня и хочет мне что-то сказать» ([Письмо Лили Левиной, 5.06.1943](#)). На фотографии, которую получила Лилия от своего мужа в эвакуации в Киргизии, где она находилась с двумя детьми, рукой капитана Менделя Левина была сделана следующая надпись: «Со мной сфотографирована группа красноармейцев, бывалых солдат, которые воюют с немцами не впервые. Воевали в 1914–1917 гг., в годы Гражданской войны, некоторые были ранены в той войне, а некоторые в этой Отечественной. Большая часть – белорусы и со мной с первых дней 15 мая 1943 г.» [следует перечисление фамилий – Л.С.].

Переписывали модные штампы, которые были очень популярны – «если любишь, то храни, а если нет, то порви», или

«Если встретиться нам не придется
И настолько жестока судьба,
Пусть на память тебе остается
Неподвижная личность моя».

Фотографии содержали подписи, в которых фронтовики подводили своеобразный итог пройденного жизненного пути. Майор Михаил Абрамович¹ 1 октября 1944 г. вложил в конверт фотографию, которую подписал: «Милые мои, Моня, Женя, Рита, Боря, Зяма, Инна, Вова. Сегодня исполнилось 18 лет (восемнадцать!), как я надел эту форму. Люблю ее, как подобает офицеру, пока буду жить, не сниму ее. Сейчас 1 час ночи, пришел с совещания, понаписал вам письма, справляю свой юбилей. Любящий вас, сын, муж, папа» ([Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944](#)).

Уникальное фото прислал своей жене Аделе Абрамовне сотрудник дивизионной газеты старший лейтенант Самуил Иосифович Лерман. Подпись на фотоснимке гласила: «Это кладбище немецкой части. Когда все они займут приготовленные места на кладбищах, тогда мы с победой возвратимся домой, 1943 год»². Были фотографии-реквиемы в память о самых близких людях, не вернувшихся с войны (муж, отец, сын, брат). Эти посвящения были обращены в будущее. Рая Лейбовна Гольдштейн в 1944 г. написала довоенное фото, где она была снята рядом с мужем Ароном Цесарском: «Надписываю в 1944 г., когда прошло столько времени. Так много пережито. Как для нас было не заметно счастье, как мы не ценили те счастливые дни, когда были с тобой. Теперь я одна! Как мне тяжело, когда смотрю на нашу фотокарточку. Не могу без слез думать о тебе. Как бы мы были счастливы вдвоем, имея такого чудного сыночка. Но радуюсь только я одна, а сыночек наш не знает своего папочку. Он один у меня, как красивый букетик, который украшает мою неинтересную жизнь»³. Ты мне навсегда оставил память, и этим я хоть утешаюсь»⁴ ([Письмо Раи Гольдштейн, 12.10.1944](#)).

Фотографии дарили родным и друзьям в памятные дни 8 и 9 мая 1945 г., которые по-своему символичны, или после окончания войны, когда ожидалась демобилизация и возвращение домой. Одновременно этим подчеркивался груз пережитого, боль утрат, героизм победителей. Александр Рейдман 8 мая 1945 г. послал семье свое фото со словами: «В добрую память любимым Оскару, Евочке и племянникам в день окончания Великой

¹ Майор М.А. Абрамович, начальник штаба 4-й гвардейской механизированной бригады, умер от ран 1 января 1945 г.

² Прислал Владимир Лившиц из Нацрат-Иллит 23 мая 2012 г.

³ В письме упоминается сын Александр (Неся) Аронович Цесарский, 1941 г.р.

⁴ Старший сержант Арон Наумович Цесарский (1914 г.р.) пропал без вести в ноябре 1941 г.

Отечественной войны. День победы, Братислава»¹. Евгения Моисеевна Контаржи 29 августа 1945 г. подписала фото словами из города Вальденбурга: «Моим дорогим родным! Находясь далеко от вас в какой-то серой Германии, я не перестаю скучать и думать о вас» ([Письмо Розы Хворостюк \(Рейдман\), 9.11.2012](#)).

В целом, подписи на фотографиях давали представление о культурном уровне, грамотности, кругозоре, воображении, характере человека, которому они принадлежали.

Фотографии после гибели. В случае смерти солдата, его фотографии, личные вещи, документы и деньги, отправляли семье в тыл. Об этом командир сообщал немедленно после составления официального извещения и гибели военнослужащего («похоронки»). Фотографии высылались вместе с письмами, которые хранились у умершего, или продолжали поступать на его имя после смерти. Часто фотокарточки, которые хранились у погибшего солдата, оказывались в единственном экземпляре и становились последним напоминанием о нем при жизни, превращаясь в семейную реликвию, которая бережно передавалась из поколения в поколение. В мае 1942 г. Мордехай Трайнин сообщал из Казахстана в Уфу: «Дорогие мои! Вчера мы получили открытку о трагической смерти Гриши. Что могу вам писать в утешение, когда горе так велико? Трудно описать, как ошеломило это неожиданное сообщение. Гриши нет, у нас только имеется его фотокарточка, которую мы поочередно держим, как бы прощаясь навсегда. Я себе представляю, когда Поля и Сима [сестры Рахили – Л.С.] узнают – дрожь проходит по телу, слезы туманят глаза, мешают писать. Крепитесь, мои дорогие, это общее несчастье, а, следовательно, наполовину утешение» ([Письмо Мордехая Трайнина, 10.05.1942](#)).

От человека, не пришедшего с войны, семья и его близкие хранили любые предметы, но главными навсегда оставались фотографии. Они не только напоминали родным о постигшем их горе, но и помогали сохранить облик фронтовика. Особенно важно это было для малолетних детей, которые успели забыть черты своих отцов, ушедших на фронт. Фотография оказывалось подтверждением известных слов «навечно остался молодым». Когда солдат не успел жениться, то о нем горевали только родители, если у него не было любимой девушки, то горе от этой потери удваивалось. В июне 1942 г. сотрудник редакции фронтовой газеты, где служил Лев Нехамкин, писал его жене Мэри Шифриной: «Мне, как самому близкому товарищу Вашего мужа, поручено отослать фото и деньги, которые Вы поручаете сдать в оборону страны. Я это попробую сделать, если мне удастся, а если нет, я тогда вышлю их Вам». Лева был всегда веселый, никогда при редакции он не болел ничем, все терпел, или у него ничего не болело <...> я не знал, что раньше у него были такие болезни². На передовую он сам всегда просился, ибо с нас каждый горел желанием быть там» ([Письмо из редакции газеты «За победу», июнь 1942](#)).

Настоящей трагедией оказывалось, если с войны не возвращался единственный сын. 23 февраля 1944 г. Дарья Черная писала знакомой девушке своего погибшего сына: «Дорогая Полина! Кто верит, но мертвецы с того света не возвращаются. Как бы мне хотелось, чтобы мой ненаглядный мальчик был жив, но вот уже полгода, как мы ничего не получаем от него. А вот от его части получили его вещи, т.е. письма и песни и несколько фотокарточек. Бедный мой мальчик, что мне осталось от него одни бумажки. Какое горе у меня. Вся наша надежда и жизнь была в этом сыне, но, как видно, так создано, чтобы я осталась жить на одни страдания. У меня есть Ваше письмо, где Вы писали, я его храню, т.к. в память Вы после подписали “твоя жена” – правда ли это? Как так, что не сбылись наши мечты, когда он был в Чернушке, и перед самым отъездом он мне сказал: “А жаль, тетя Даша, я Полю не застал, а мне все-таки хочется ее увидеть”! Как у меня тогда сердце сжалось, он ведь Вас любил, об этом я давно знала. Как видно – такое Ваше и мое счастье, но Вы еще молодая и друга найдете, но я уже такого сына потеряла навек!» ([Письмо Дарьи Черной, 23.02.1944](#)).

¹ Евгения Моисеевна Контаржи в 1941–1945 гг. служила военным врачом в госпиталях ([Письмо Анелии Беленькой, 17.05.2012](#)).

² По свидетельству Сергея Нехамкина, внука Льва Шахновича Нехамкина, его дедушка страдал язвой желудка и болезнью почек. Однако, несмотря на медицинские противопоказания, он настоял на своей мобилизации в Красную армию и ушел на фронт добровольцем с коммунистическим батальоном.

На войне в первую очередь погибали лучшие, наиболее достойные, цвет нации, которые первыми шагнули под огонь врага. Погибший солдат, фото которого бережно хранилось у родных, считалось личным горем семьи, тогда как на деле это было частичкой общего несчастья для всей страны. Каждая невосполнимая потеря выходила далеко за пределы отдельно взятой семьи. Понимание этого пришло с годами, когда начали ощущаться демографические последствия войны.

4. Заключение

Значение фотографии для переписки между фронтом и тылом трудно переоценить. Она сопровождала мужчин и женщин с самого начала, когда они надели военную форму, и до тех пор, пока не вернулись домой с победой через четыре года. Фотографии запечатлели на лицах людей весь груз тревоги, надежды, испытаний, разочарования, страха смерти, огромного физического и духовного напряжения. И все это, несмотря на желание выглядеть молодыми, здоровыми, энергичными, стройными, подтянутыми и оптимистичными. Четыре года испытаний сделали из юношей или подростков, вступавших в жизнь, взрослых мужчин или женщин, которые узнали себе цену и сделали все от них зависевшее, чтобы защитить тех, кто остался дома, выжить и победить.

Переписка между фронтом и тылом для человека, который годами не был дома, не могла стать полноценной без фотографий, поскольку без них трудно было хранить в памяти родной облик, к которому он неоднократно обращался. С личными фотографиями солдаты предпочитали никогда не расставаться, не держали в багаже, в обозе, не доверяли даже друзьям. Снимки из дома носили с собой, на груди, у сердца, и умирали в бою вместе с ними. Долгом чести считалось отослать домой фото погибшего вместе с личными вещами, документами и деньгами убитого, что часто сопровождалось рассказом о последнем дне и часе своего товарища.

Частное фото – это взгляд со стороны, из глубины народного сознания. В них нет общепринятых формальных штампов, каждый фотографировался так, как считал нужным по тем представлениям, которые тогда существовали. Вряд ли возможно определить, кто нуждался в фотографиях больше, фронтовики или члены их семей, друзья и родные. Скорее всего, наиболее правильным будет поставить знак равенства между этими величинами. Солдату очень трудно было воевать, не удерживая в памяти родные образы, точно также как его семье ждать, не имея перед глазами фото любимого человека.

Все дошедшие до нас частные фото были черно-белыми. Цветное фото отсутствовало как недоступная роскошь. Сам размер фотографии, как правило, не превышавший 10 x 15 см, говорит о строгой экономии фотобумаги и фотореактивов. Каждое фото имело свою историю – по заказу кого, где, когда и кем оно было выполнено. Как ждали это фото, как оно было послано, получено, принято и оценено. Вопрос о том, нужно или нет делать фото, никогда не вставал, когда появлялась такая возможность. Единственным сдерживающим фактором было опасение показаться не таким привлекательным, мужественным, красивым, уверенным, физически развитым, как это можно было представить по письмам. Фотография разоблачала, вносила в поле зрения детали и штрихи, которые участникам переписки не всегда казались уместными. Поэтому фотографий было меньше, чем можно было ожидать, ограничения существовали не только финансовые, технические, но и субъективного характера. Охотнее снимались молодые люди, чем люди старшего возраста, и тем более пожилые. Мужья снимались охотнее, чем жены, которые часто предпочитали посылать фотографии детей, чем свои собственные.

Государство с первого до последнего дня войны самоустранилось от того, чтобы помочь солдату сделать фото для его родных в тылу. Частное фото военнослужащего считалось личным делом, не принималось во внимание как неотъемлемая часть заботы о нем для сохранения душевного комфорта солдата, наравне с полноценным питанием и добротным обмундированием, медицинским обслуживанием и исправным вооружением. Тогда как солдат и гражданин делали для государства и страны все от них зависевшее, не жалея времени, здоровья, сил и самой жизни.

Фотографии играли воспитательную, педагогическую, этическую, нравственную роль и одновременно выступали как исторический источник, что стало понятно во всей полноте только после окончания войны. Обращение к фотодокументу, как свидетельству войны – это

обращение к первоисточнику. Не случайно, по образному выражению Константина Симонова, человек, который смотрит на жизнь через глазок фотоаппарата, всегда, в конечном счете, глядит через него в историю ([Антология советской фотографии, 1987: 4](#)). Мы всматриваемся в снимки людей военной поры спустя много лет и испытываем ощущение, будто лица оживают, а прошлое на какой-то миг становится настоящим. Рассказы людей о том, что они пережили на войне, становятся понятными, когда мы видим лица и глаза тех, кто остался на фото.

Историки имеют сегодня в своем распоряжении достаточно фотографий, чтобы составить объективную картину эпохальных событий 1941–1945 гг., как на фронте, так и в тылу. Однако в семейных архивах продолжает храниться еще большое количество частных фото, которые должны быть введены в научный оборот. Идентифицировать фотографии по силам только членам семей, они укажут место, время и автора съемки. Сами по себе фото мало расскажут без военных писем, знания предыстории и судьбы участников переписки. Историкам очень важны эти сведения, чтобы проследить, что стало с солдатом и его потомками, какой генетический, нравственный заряд был передан и дал всходы через детей и внуков, насколько народная память о войне имеет значение с точки зрения преемственности поколений. Именно так необходимо относиться к частному фото, которое стало неотъемлемой частью переписки военных лет.

Литература

[Антология советской фотографии, 1987](#) – Антология советской фотографии. В 3 т. Т. 2. 1941–1945. М.: Планета, 1987. 264 с.

[Бейлин, 2011](#) – *Бейлин Б.* Здравствуй, Гита (Переписка родителей Гиты Чарной и Наума Бейлин). СПб: Новый геликон, 2011. 587 с.

[БГАМЛИ](#) – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства

[Гриф секретности снят, 1993](#) – Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993. 423 с.

[Кропачев, Кринко, 2012](#) – *Кропачев С.А., Кринко Е.Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 353 с.

[Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942](#) – Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Александра Зингермана, 2.02.1944](#) – Письмо Александра Хаимовича Зингермана Доре (Доне) Хаимовне Самойлович в рудник Кок-Янбак Джалалабадской области Киргизской ССР, 2.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943](#) – Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Анелии Беленькой 17.05.2012](#) – Письмо Анелии Самуиловны Беленькой из Берлина, 17.05.2012 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Афанасия Чернина, 9.07.1943](#) – Письмо Афанасия Савельевича (Зевелевича) Чернина Евгении Иосифовне Черниной в город Кызыл-Кия Киргизской ССР, 9.07.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Вениамина Финкельштейна, 23.02.1944](#) – Письмо Вениамина Хоновича Финкельштейна Зое Николаевне Бурденко, 23.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Вениамина Финкельштейна, 25.05.1944](#) – Письмо Вениамина Хоновича Финкельштейна Зое Николаевне Бурденко, 25.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Верютина, 1943](#) – Письмо Верютина Моисею Абрамовичу Воронову в город Куйбышев, 1943 // // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Владимира Зинченко, 24.06.1943](#) – Письмо Владимира Зинченко Доре Исааковне Лядской в город Магнитогорск, 24.06.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Георгия Павловского, 19.04.1945](#) – Письмо Григория Павловского, 19.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942](#) – Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944](#) – Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 23.09.1944](#) – Письмо Давида Пинхасика, 23.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Дарьи Черной, 23.02.1944](#) – Письмо Дарьи Черной из города Красноярска Полине Лукашевой в город Караганду, 23.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943](#) – Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ефима Чечика, 9.02.1945](#) – Письмо Ефима Чечика из Восточной Пруссии Лене Глозман в город Житковичи Полесской области Белорусской ССР, 9.02.1945. Папка «Гительман» // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Зиновия Савиковского, 21.04.1945](#) – Письмо Зиновия (Зямы) Савиковского, 21.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Зиновия Савиковского, май 1944](#) – Письмо Зямы (Зиновия) Савиковского Риве Сосланд, май 1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо из редакции газеты «За победу», июнь 1942](#) – Письмо из редакции газеты «За победу» 226-й стрелковой дивизии на Юго-Западном фронте Мэре Гилеровне Шифриной, июнь 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Изи Каплана, 7.07.1943](#) – Письмо Изи Каплана Абраму Шепельскому, 7.07.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945](#) – Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 28.03.1943](#) – Письмо Инны Фруг Екатерине Маневич в село Усть-Гаревая Добрянского района Молотовской (в настоящее время – Пермской) области, 28.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 11.02.1944](#) – Письмо Инны Фруг, 11.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942](#) – Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Исаака Кагана, 8.06.1942](#) – Письмо Исаака Рафаиловича Кагана Софье Борисовне Каган в город Пензу, 8.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Леонида Мироша, 11.02.1945](#) – Письмо Леонида Андреевича Мироша Андрею Семеновичу Мирошу в местечко Плисса Вилейской области Белорусской ССР, 11.02.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Лили Левиной, 5.06.1943](#) – Письмо Лили Левиной со станции Кара-Балты Калининского района Фрунзенской области Киргизской ССР Менделю Левину 5.06.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Нехамкина, 5.01.1942](#) – Письмо Льва Нехамкина с Юго-Западного фронта, 5.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Цепенюка, 18.01.1942](#) – Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Цепенюка Вольфу Цепенюку и Фейге Левиковне Кирпичниковой в поселок Луначарский города Ташкента Узбекской ССР, 18.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Цепенюка, 5.08.1943](#) – Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Цепенюка Фейге Левиковне Кирпичниковой и Вольфу Лейбовичу Цепенюкам в Ташкент, 5.08.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 16.12.1941](#) – Письмо Любви Зантович, 16.12.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 24.01.1942](#) – Письмо Любви Зантович, 24.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 11.11.1942](#) – Письмо Любви Зантович Алесю (Айзику) Кучару, 15.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 12.12.1942](#) – Письмо Любви Зантович, 12.12.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Матвея Айзенштата, 8.03.1942](#) – Письмо Матвея Евгеньевича Айзенштата – Фиме и Грише Айзенштатам в действующую армию, 8.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943](#) – Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 1.09.1943](#) – Письмо Менаше Ваила, 01.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944](#) – Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944](#) – Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945](#) – Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944](#) – Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 5.03.1944](#) – Письмо Михаила (Моисея) Гинзбурга, 5.03.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 13.04.1944](#) – Письмо Моисея Гинзбурга, 13.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 1.05.1945](#) – Письмо Михаила (Моисея) Гинзбурга, 1.05.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 22.05.1945](#) – Письмо Михаила Гинзбурга, 22.05.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Миши Наймана, 1.02.1942](#) – Письмо Миши (Шая) Гиршевича Наймана Бизе Фроимовне Перепечай в Новосергеевский район Чкаловской (в настоящее время – Оренбургской) области, 1.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Моисея Флинка, 10.10.1942](#) – Письмо Моисея Ароновича Флинка Клавдии Ароновне Флинка в Андижан (Узбекистан), 10.10.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Мордехая Трайнина, 10.05.1942](#) – Письмо Мордехая Трайнина со станции Мерке Джамбульской области Казахской ССР Евно Хаимовичу Айзенштату и Рахили Янкелевне Айзенштат (Трайниной) в Уфу, 10.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 12.02.1943](#) – Письмо Натана Воронова, 12.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 13.04.1945](#) – Письмо Натана Воронова, 13.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941](#) – Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942](#) – Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942](#) – Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944](#) – Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#) – Письмо Наума Кунина, 8.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Кунина, 1944](#) – Письмо Наума Кунина, 1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941](#) – Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942](#) – Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Тельжинского, 14.10.1941](#) – Письмо Николая (Ноаха) Тельжинского Эмме Ульман в город Котельнич Кировской области, 14.10.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Полины Лукашевой, 15.12.1943](#) – Письмо Полины Иосифовны Лукашевой из города Караганды Казахской ССР Александру Шойловичу Черному, 15.12.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ривы Ройтенберг, 30.11.1942](#) – Письмо Ривы Петровны Ройтенберг из Уфы Маркусу Давидовичу Шмуйльскому в действующую армию, 30.11.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Розы Хворостюк \(Рейдман\), 9.11.2012](#) – Письмо Розы Александровны Хворостюк (Рейдман), 9.11.2012 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Семена Литвина, 17.07.1941](#) – Письмо Семена Моисеевича Литвина Бейле Михайловне Берест в город Харьков, 17.07.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942](#) – Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942](#) – Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943](#) – Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944](#) – Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шимшон Контуашвили, 24.10.1943](#) – Письмо Шимшона Шамаевича Контуашвили, 24.10.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944](#) – Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 20.11.1944](#) – Письмо Элишевы Канцедикас из города Вильнюса, 20.11.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945](#) – Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юлия Аронсона, 5.05.1943](#) – Письмо Юлий Павловича Аронсона Эйдли-Риве Ицковнае Казимировской в город Москву, 5.05.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Пинского, 7.08.1942](#) – Письмо Юрия Хацкелевича Пинского Гисе Исааковне Пинской в город Копейск Челябинской области, 7.08.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945](#) – Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 1.09.1941](#) – Письмо Якова Скульского Гене Брехман, 1.09.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 31.08.1944](#) – Письмо Якова Скульского, 31.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Спивака, 9.10.1943](#) – Письмо Якова Иосифовича Спивака Иосифу Бенционовичу Спиваку в село Бегум Саров Тертерского района Азербайджанской ССР 9.10.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943](#) – Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Смиловицкий, 1988–2017](#) – *Смиловицкий Л.* Из опыта пережитого. Воспоминания. Иерусалим: Цур Отг, 1988–2017. 193 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

References

[Antologiya sovetskoj fotografii, 1987](#) – Antologiya sovetskoj fotografii (1987) [Anthology of Soviet photography]. In 3 vol. Vol. 2. 1941–1945. Moscow: Planeta, 264 p. [in Russian]

[Beilin, 2011](#) – *Beilin B.* (2011) Zdravstvuj, Gita (Perepiska roditel'ej Gity Charnoj i Nauma Bejlin) [Hello, Gita (Correspondence between parents Gita Charny and Naum Beilin)]. St. Petersburg: Novyj gelikon, 587 p. [in Russian]

[BGAMLI](#) – Belorusskij gosudarstvennyj arhiv-muzej literatury i iskusstva [Belarusian State Archives Museum of Literature and Art]

[Grif sekretnosti snyat, 1993](#) – Grif sekretnosti snyat: Poteri vooruzhennykh sil SSSR v vojnakh, boevykh deistviyakh i konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie (1993) [The neck of secrecy is removed: Loss of the USSR Armed Forces in wars, hostilities and conflicts. Statistical study]. Ed. G.F. Krivosheev. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 423 p. [in Russian]

[Kropachev, Krinko, 2012](#) – *Kropachev S.A., Krinko E.F.* Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya (2012) [The loss of the population of the USSR in 1937–1945: the scale and shape. Domestic historiography]. Moscow: ROSSPEN, 353 p. [In Russian]

[Pis'mo Abrama Lukashevskogo, 2.06.1942](#) – Letter from Abram Lukashevsky, June, 2, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Aleksandra Zingermana, 2.02.1944](#) – Letter from Alexander Haimovich Zingerman to Dora (Donya) Haimovna Samoilovich to Kok-Yangak mine, Jalalabad region, Kirghiz SSR, February, 2, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Anatoliya Avina, 20.03.1943](#) – Letter from Anatoly Avin, March, 20, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Anelii Belen'koi, 17.05.2012](#) – Letter from Anelia Samuilovna Belenkaya's from Berlin, May, 17, 2012. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Afanasiya Chernina, 9.07.1943](#) – Letter from Afanasy Savelievich (Zevelevich) Chernin to Evgenia Iosifovna Chernina in town Kyzyl-Kiya Kirghiz SSR, July, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veniamina Finkel'shteina, 23.02.1944](#) – Letter from Veniamin Khonovich Finkelstein to Zoya Nikolaevna Burdenko, February, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veniamina Finkel'shteina, 25.05.1944](#) – Letter from Veniamin Khonovich Finkelstein to Zoya Nikolaevna Burdenko, May, 25, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veryutina, 1943](#) – Veryutin's letter to Moses Abramovich Voronov in city Kuibyshev, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Vladimira Zinchenko, 24.06.1943](#) – Letter from Vladimir Zinchenko to Dora Isaakovna Lyadskaya in town Magnitogorsk, June, 24, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Georgiya Pavlovskogo, 19.04.1945](#) – Letter from George Pavlovsky, April, 19, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 22.04.1942](#) – Letter from David Pinkhasik, April, 22, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 21.05.1944](#) – Letter from David Pinkhasik, May, 21, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 23.09.1944](#) – Letter from David Pinkhasik, September, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Dar'i Chernoi, 23.02.1944](#) – Letter from Darya Chernaya in city Krasnoyarsk to Polina Lukashevskaya in city Karaganda, February, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Efima Fikha, 15.05.1943](#) – Letter of Efim Fih, May, 15, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Efima Chechika, 9.02.1945](#) – Letter from Efim Chechik in East Prussia to Lena Glozman in town Zhitkovichi, Polesia region, Byelorussian SSR, February, 9, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Zinoviya Savikovskogo, 21.04.1945](#) – Letter from Zinovy (Zyama) Savikovsky, April, 21, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Zinoviya Savikovskogo, май 1944](#) – Letter from Zinovy (Zyama) Savikovsky to Riva Sosland, May, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo iz redaktsii gazety "Za pobedu", iyun' 1942](#) – Letter from the editorial office of the newspaper "For the Victory" of the 226th Infantry Division on the South-Western Front to Mjera

Gilerovna Shifrina, June, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izi Kaplana, 7.07.1943](#) – Letter from Easy Kaplan to Abram Shepelsky, July, 7, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailya Pinskogo, 28.01.1945](#) – Letter from Israel Pinsky, January, 28, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 28.03.1943](#) – Letter from Inna Frug to Ekaterina Manevich in village Ust-Garevaya, Dobriansky District, Molotov (currently – Perm) Region, March, 28, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 11.02.1944](#) – Letter from Inna Frug, February, 11, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Isaaka Kagana, 5.06.1942](#) – Letter from Isaac Kagan, June, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Isaaka Kagana, 8.06.1942](#) – Letter from Isaac Kafan to Sofia Borisovna Kagan in city Penza, June, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Leonida Mirosha, 11.02.1945](#) – Letter from Leonid Andreyevich Mirosh to Andrei Semenovich Mirosh in town Plissa, Vileika Regon, Byelorussian SSR, February, 11, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lili Levinoi, 5.06.1943](#) – Letter from Lily Levina in village Kalininskoe, Kalininsky District, Frunze Region, Kara-Balty station Kirghiz SSR, to Mendel Levin, June, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Nekhamkina, 5.01.1942](#) – Letter from Lev Nehamkin in the South-Western Front, January, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Tsepenyuka, 18.01.1942](#) – Letter from Lev Vladimirovich (Wolfovich) Tsepenyuk to Wolf Tsepenyuk and Feiga Kirpichnikova in village Lunacharskoe, city Tashkent, January, 18, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo L'va Tsepenyuka, 5.08.1943](#) – Letter from Lev Vladimirovich (Wolfovich) Tsepenyuk to Feiga Levikovna and Wolf Leybovich Tsepenyuk in city Tashkent, August, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 16.12.1941](#) – Letter from Lyubov Zantovich, December, 16, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 24.01.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich, January, 24, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 11.11.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich to Ales' (Aizik) Kuchar, February, 15, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori

pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 12.12.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich, December, 12, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Matveya Aizenshtata, 8.03.1942](#) – Letter from Matvey Evgenievich Aizenshtat to Fima and Grisha Aizenshtat in the Army, March, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 23.03.1942](#) – Letter from Menashe Vail, March, 23, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 7.05.1942](#) – Letter from Menashe Vail, May, 7, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 13.06.1942](#) – Letter from Menashe Vail, June, 13, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 19.01.1943](#) – Letter from Menashe Vail, January, 19, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 1.09.1943](#) – Letter from Menashe Vail, September, 1, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 4.05.1944](#) – Letter from Menashe Vail, May, 4, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 15.08.1944](#) – Letter from Menashe Vail, August, 15, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 12.01.1945](#) – Letter from Menashe Vail, January, 12, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Abramovicha, 1.10.1944](#) – Letter from Mikhail Abramovich, October, 1, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 5.03.1944](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, March, 5, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 13.04.1944](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, April, 13, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 1.05.1945](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, May, 1, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 22.05.1945](#) – Letter from Michael Ginzburg, May, 22, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mishi Naimana, 1.02.1942](#) – Letter from Misha (Shay) Girshovich Naiman to Biza Froimovna Perepechay in Novosergievsky District, Chkalov (currently – Orenburg) Region,

February, 1, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Moiseya Flinka, 10.10.1942](#) – Letter from Moses Aronovich Flink to Claudia Aronovna Flink in city Andijan Uzbek SSR, October, 10, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mordekhaya Trainina, 10.05.1942](#) – Letter from Mordechai Trainin in station Merke, Dzhabul Region Kazakh SSR to Yevno Khaimovich Aizenshtat and Rakhili Yankelevna Aizenshtat (Trainina) in city Ufa, May, 10, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 12.02.1943](#) – Letter from Natan Voronov, March, 12, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 13.04.1945](#) – Letter from Natan Voronov, April, 13, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 17.07.1941](#) – Letter from Naum Beilin, July, 17, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 5.02.1942](#) – Letter from Naum Beilin, February, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 4.11.1942](#) – Letter from Naum Beilin, November, 4, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 30.09.1944](#) – Letter from Naum Beilin, September, 30, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Kunina, 8.08.1944](#) – Letter from Naum Kunin, August, 8, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Kunina, 1944](#) – Letter from Naum Kunin, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Lazyuka, 25.09.1941](#) – Letter from Nikolai Lazuk, September, 25, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Lazyuka, 8.08.1942](#) – Letter from Nikolai Lazuk, August, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Tel'zhinskogo, 14.10.1941](#) – Letter from Nikolai (Noah) Telzhinsky to Emma Ulman in town Kotelnich, Kirov Region, October, 14, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Poliny Lukashevskoi, 15.12.1943](#) – Letter from Polina Iosifovna Lukashevskaya in city Karaganda Kazakh SSR to Alexander Shoylovich Cherny, December, 15, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rivy Roitenberg, 30.11.1942](#) – Letter from Riva Petrovna Reutenberg in city Ufa to Markus Davidovich Shmulsky in the Army, November, 30, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rozy Khvorostyuk \(Reidman\), 9.11.2012](#) – Letter from Rosa Alexandrovna Hovorostuk (Reidman), November, 9, 2012. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Semena Litvina, 17.07.1941](#) – Letter from Semen Moiseevich Litvin to Beylf Mikhailovna Berest to city Kharkov, July, 17, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Sergei Dreizina, 14.01.1942](#) – Letter from Sergey Dreyzin, January, 14, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sergei Dreizina, 15.05.1942](#) – Letter from Sergey Dreyzin, May, 15, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 13.06.1942](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, June, 13, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 18.03.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, March, 18, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 11.08.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, August, 11, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shimshon Kontuashvili, 24.10.1943](#) Letter from Shimshon Shamaevich Kontashashvili, October, 24, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 16.10.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, October, 16, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevakh Lapidusa, 30.11.1943](#) – Letter from Shevah Lapidus, November, 30, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 18.06.1944](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas, June, 18, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 20.11.1944](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas in Vilnius, November, 20, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time on the “in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 19.03.1945](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas, March, 19, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuliya Aronsona, 5.05.1943](#) – Letter from Yuli Pavlovich Aronson to Eidle-Riva Itskovnae Kazimirovskaya to Moscow, May, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Yuriya Pinskogo, 7.08.1942](#) – Letter from Yuri Khatskelevich to Gise Pinsky Isaakovne Pinskaya in town Kopeisk Chelyabinsk Region, July, 7, 1942. Arkhiv voennykh pisem

Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuriya Pinskogo, 16.01.1945](#) – Letter from Yuri Pinsky, January, 16, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 1.09.1941](#) – Letter from Jacob Skulsky to Genya Brohman, September, 1, 1941 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 31.08.1944](#) – Letter from Jacob Skulsky, August, 31, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Spivaka, 9.10.1943](#) – Letter from Jacob Iosifovich Spivak to Joseph Benzionovich Spivak on station Yevlakh, in village Begum Sarov, Terter District Azerbaijan SSR, October, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Epshteina, 9.03.1943](#) – Letter from Jacob Epstein, March, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Smilovitskii, 1988–2017](#) – *Smilovitskii L.* (1988–2017). *Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya* [From the experience experienced. Memories. Ierusalim: Tsur Ott, 193 p. [in Russian]

[TsAMO RF](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]

«Фото – самая большая радость...». Роль фотографии в переписке между фронтом и тылом. По страницам писем и дневников 1941–1945 гг. Часть 2

Смиловицкий Леонид Львович ^{a *}

^a Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена редкой теме изучения роли фотографии в переписке между фронтом и тылом как историческому источнику. Государство и гражданин по-разному оценивали свое отношение к фотографии. Фото на войне одновременно могло выступать не только в роли свидетеля, но и обвинителя. Солдаты и командиры и их семьи придавали фото исключительное значение. Фото дорожили больше, чем письмами и обязательно хранили. Фотографии брали в дорогу даже, когда не хватало времени на сборы, их место было рядом с документами, деньгами и скромным запасом вещей и провизии в ручной клади. Солдаты носили фото родных и близких в кармане гимнастерки у сердца или в вещмешке за спиной. Освещение обстоятельств, в которых солдаты и командиры Красной армии делали и посылали фото домой, родным, друзьям и соседям, товарищам по оружию рисуют правдивую картину военной повседневности, дают необходимые детали для понимания поведения человека на войне, раскрывают его внутренний мир. Статья написана на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в 2012–2017 гг. и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: евреи и Красная армия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, фотография, военно-полевая почта, военная повседневность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)